

ЗВЕЗДНАЯ АВАНТЮРА

«Трудно найти автора, который был бы настолько "в теме"! Но для меня ценность романов Макаровой даже не в космической достоверности и отличных сюжетах, а в том, как здорово она прописывает человеческие отношения».

Алекс де Клемешье

ЛЮДМИЛА МАКАРОВА

КОСМОЛЕТЧИКИ

БЛИЗКИЕ ЗВЕЗДЫ

Звездная авантюра

Людмила Макарова

Космолетчики. Близкие звезды

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Макарова Л.

Космолетчики. Близкие звезды / Л. Макарова — «Издательство АСТ», 2008 — (Звездная авантюра)

ISBN 978-5-17-155232-9

Джой Ив, юный курсант школы космолетчиков, чудом попадает на стажировку на прославленный звездолет «Моника». Он, конечно, подозревал, что реальный космос опаснее школьных симуляторов, но не знал, что – настолько! Вместе с незаурядной командой «Моники» ему придется сразиться с огненными обитателями Файра, нырнуть со спасательной миссией в глубины опаснейшей планеты-океана, вынужденно принять на борт секретный груз, за которым охотятся правительства разных миров, и в результате оказаться в совершенно безнадежном положении в окружении боевых звездолетов... Хорошо, что у «Моники» есть ее невероятный капитан Рэд Гардон. Да, он травмирован космической войной, да, его давно хотят комиссовать, однако лишь он может спасти свой экипаж и передать Джою не только бесценный опыт пилотирования, но и частичку истинного мужества звездного волка.

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155232-9

© Макарова Л., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Командный состав	7
Глава 2. Форма жизни	17
Глава 3. Старые друзья	29
Глава 4. Свободный поиск	41
Глава 5. Не учебная тревога	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Людмила Макарова

Космолетчики. Близкие звезды

© Макарова Л., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

– Я тебя правильно понял? – спросил капитан «Торнадо» и посмотрел на распинавшегося перед ним курсанта, точно на диковинную зверушку. – Ты вот так запросто поднимешься на борт этой твоей аэспэхи хваленной, скажешь: «Покатайте меня, парни, что вам стоит?» – и не кто-нибудь, а Рэджинальд Гардон на полгода включит тебя в экипаж. Это твой план?

– Да, сэр!

– И ты полдня охотился на меня по всему космопорту, чтобы его изложить?

– Все верно, господин капитан, – ответил Джой.

– Ну, ты наглец, курсант!

– Возьмите до Файра? Господин капитан... Я заплачу! И отработаю!

– Тише ты, балбес! Не размахивай своей тощей кредиткой на виду у всех, – прошипел капитан Валдис Климмен. – Что ты заладил: «Возьмете – не возьмете», заплатишь – поедешь. Как говорится, дело техники.

Джой убрал кредитку обратно в карман форменной куртки и оглянулся. Где-то там, за спиной, за створками гермодверей, скрывавшей путаницу причальных галерей, тяжелый транспортник «Торнадо» сейчас готовился к старту.

– Ты хотя бы с орбитальной станцией Файра свяжись. Чтобы совсем без работы не остаться, когда тебя Гардон пошлет, – посоветовал Климмен почти сочувственно, – а он пошлет, не сомневайся.

– Значит, возьмете? – с надеждой переспросил Джой.

– Вот же салажня безмозглая.

Капитан отодвинул парня с дороги и провел удостоверением по сканеру.

Но то, что салажня оказалась не только безмозглой, а еще настырной и платежеспособной, склонило чашу весов в нужную сторону.

Створки гермодверей разошлись в стороны, открывая путь к причалам.

– Господин капитан!

– Ладно, пошли, – через плечо сказал Климмен. – Для тебя, дурака, полцены. Чтоб на обратную дорогу хватило.

Глава 1. Командный состав

Работать на Департамент космоплавания Рэджинальд Гардон не любил. Впрочем, тут он был не оригинален. Ругать обязательный блок работ считалось чуть ли не правилом хорошего тона у капитанов Ассоциации Свободного Поиска.

Но в этот раз его звездолет придали группе командора Вейса, а Рэд считал, что межпланетному кораблю можно было найти применение более достойное, чем перевалочный пункт на орбите планеты, только что включенной в список «Представляющие интерес с научной точки зрения. Категория В. Возможность практического использования и терраформирования уточняется. Юрисдикция Аналога-3. Открытый доступ». «Открытый доступ» смущал больше всего: во вновь открытой планете Файр не особо нуждалась даже та метрополия, за которой числилась эта самая планета Файр. Иначе все работы велись бы специалистами в закрытом режиме, на дальних орбитах выставили бы оцепление, а в сети и по официальным каналам Аналога-3 уже вовсю крутились бы рекламные ролики, зазывающие колонистов в новый мир сразу по окончании климатической трансформации.

То, что один из лучших звездолетов АСП так легко отдали исследовательской группе Вейса, превратив людей с многолетним опытом работы в пространстве в мальчиков на побегушках, означать могло только одно: шеф-пилот Ассоциации Пол Дорвард неплохо заработал. Или кто-то из капитанов Ассоциации здорово проштрафился перед Аналогом-3 и Рэджинальд со своим экипажем теперь компенсировал неведомый ущерб.

Насчет мальчиков на побегушках Рэд, конечно, преувеличивал. Официально он значился заместителем руководителя работ, то есть вторым человеком после Вейса в районе Файра. Но уже из-за того, что капитан звездолета галактического класса угодил в подчинение к орбитальнику, пусть и в звании командора, Рэджинальда драконило. А Вейс еще подлил масла в огонь, в первый же день заявив, что нужны ему не столько помощники, сколько пилоты, техники и инженеры. У него еще хватило наглости осведомиться, в состоянии ли экипаж «Моники» работать в режиме орбитальной разведки! Словно «Моника» была тяжелым транспортником и ее пилоты и технический персонал кроме открытого космоса и вакуумных причалов ничего в жизни не видали!

Тут Рэд вздохнул, признал, что накручивает себя, и мысленно закрыл тему вечного противостояния межпланетников и орбитальников. Ничего. Два месяца продержались, еще два тоже как-нибудь. Все-таки рубеж... Но при таком раскладе еще немного – и капитан «Моники» начнет считать дни, оставшиеся до выхода звездолета в открытый космос, делая зарубки на стенах собственной каюты.

* * *

Тяжелый транспортник «Торнадо» ушел по расписанию. Звездолет не отклонялся от курса, подпространственные переходы рассчитывались оптимально, график движения соблюдался неукоснительно, а единственный пассажир, находившийся на борту, волновался как никогда в жизни.

Две недели назад курсант Джой Ив проходил инструктаж по преддипломной практике в Высшей Школе Космолетчиков.

«А теперь я хочу обратиться к курсантам группы выпуска, набравшим максимальные баллы. Право выбора звездолета и организации для приобретения навыков самостоятельной работы в пространстве за вами, – говорил шеф-пилот Гаррисон Стар. – Я лишь настоятельно рекомендую вам не принимать скоропалительных решений и опираться на базовый список,

предоставленный Департаментом космоплавания. Хочу еще раз напомнить, что в него не входят коммерческие организации».

Не успел командор закончить речь, как Джой решил пренебречь его отеческими наставлениями и попытать счастья не где-нибудь, а в Ассоциации Свободного Поиска. Его не пугала перспектива оказаться в тени чужой славы. Джой был молод, уверен в себе и счастлив, что вырвался наконец из-под опеки школьных инструкторов. И его даже подзадоривал тот факт, что капитаны АСП из года в год занимали лидирующие места в рейтинге «Топ-100» гражданского космофлота.

Но по мере того, как «Торнадо» оставлял за кормой парсек за парсеком, сомнения все сильнее терзали душу новоиспеченного пилота. Попасть в Ассоциацию даже для профессионала считалось большой удачей. И хотя Джой не собирался отказываться от задуманного, мысли о предстоящем разговоре с командиром экипажа «Моники», технические характеристики которой Джой давно выучил наизусть, наполняли его сердце смутной тревогой.

Из внушительного перечня грузопассажирских судов, приписанных к базе АСП, Джой после долгих раздумий остановил свой выбор на звездолетах класса МНК. В Ассоциации таких было всего три. Центрированное расположение рубки; рабочие места капитана, первого и второго пилотов, оборудованные единой системой виртуального контроля полета; четыре маршевых двигателя, двадцать четыре двигателя направления; вся ходовая часть выведена на штурвал; два малых бортовых звездолета и шесть подпространственных ускорителей. Машины имели бортовое вооружение – большая редкость в гражданском космофлоте и одна из причин, по которой стажеров в АСП не жаловали.

Управлять скоростным высокотехнологичным красавцем, с именем, ласкающим слух... Мечта Джоя, как две капли воды похожая на чаяния большинства однокурсников, но все же единственная и сокровенная, совсем рядом – в Бета-радиусе удаленности, на банальной круговой орбите. Как никогда близкая к воплощению, она располагалась по одну сторону незримой границы. Советы командора Стара, неписаное правило АСПшников не связываться со стажерами и здравый смысл охраняли рубеж с другой стороны. На разделительной полосе возвышалась фигура капитана звездолета, которому достаточно было протянуть руку курсанту Джюю Иву и проследить, чтобы тот не умер от счастья. Последний пункт оказался самым слабым звеном в оптимистичном плане стажера пройти практику в коммерческой организации.

Капитан Рэджинальд Гардон был личностью незаурядной. И, как водится, слухи о нем ходили самые разнообразные. Начав свой путь в космосе в семнадцать лет, он участвовал в локальных войнах Второй волны и чуть не угодил в штрафное подразделение из-за драки с командиром. Но в этот момент как раз формировалась штурмовая бригада ВКС Аналога-2, и вместо штрафбата Гардона перевели туда. В ее составе он и воевал практически до прекращения боевых действий и расформирования части. Сначала пилотом звездолета техобеспечения, а после переподготовки – истребителя. И диплом пилота гражданского космофлота капитан Гардон якобы получил по протекции шеф-пилота АСП уже в мирное время. Гардону приписывали даже пребывание в тюрьме на планете Зона-77, во время побега с которой его изрешетили так, что он чудом остался жив. Наконец, рассказывали, что капитана «Моники» знают самые дорогие проститутки галактики, его досье в Службе безопасности занимает немало места, а шеф Департамента космоплавания здоровается с ним за руку.

Именно этого человека Джой собирался убедить взяться за обучение стажера, шагая через стыковочные тамбуры «Торнадо». В настоящее время «Моника» висела на орбите Файра, взяв на себя часть функций многоцелевого орбитального комплекса, пока последний монтировался на соседнем радиусе. Работа, слишком монотонная для экипажа АСП, позволила бы Джюю продемонстрировать школьные знания и заслужить признание элиты гражданского космофлота. О свободном поиске он боялся даже мечтать и правильно делал. В командном отсеке МНК-17 суждено было оправдаться самым худшим представлениям о встрече. Начиная с того,

что Джой довольно долго переминался с ноги на ногу у входа в рубку, путано объясняя свое стремление переговорить с командиром экипажа, прежде чем его пустили за силовой щит.

– Я не беру стажеров на борт, – коротко сказал капитан, наполовину развернув кресло.

Джою показалось, что серые глаза Гардона метнули ледяные искры, хотя тот говорил совершенно спокойно. Первый пилот, сидевший справа от капитана, вздохнул и задумчиво потер рукой подбородок. Радист удовлетворенно кивнул и отвернулся.

– Но сэр, – в наступившей тишине голос Джоя, которому не позволили произнести заранее подготовленную пламенную речь, звучал не очень уверенно, – я не просто стажер. Я курсант группы выпуска. С согласия начальника ВШК нам разрешено...

– Мой звездолет, – снова перебил его Гардон, – приписан к АСП. И насколько я себе представляю, в базовый список космошколы не входит. Поэтому мне откровенно наплевать, что вам наговорил ваш шеф.

– Так и есть, господин капитан! Я решился просить вас о работе на борту без его согласия, сэр!

– Что за молодежь пошла – никакого понятия о дисциплине, – улыбнулся первый пилот, пристально посмотрев на своего капитана.

– «Торнадо» просит разрешения на расстыковку. Основная партия груза для орбитальных Вейса, – сообщил радист. – Что-то быстро они в этот раз разгрузились. Валдис даже в гости не заглянул. Задержать их? – ухмыльнулся он.

– Отпускай, – сказал Гардон и встретился взглядом с Джоем, – привет Климмену от меня передай. Таксисты-нелегалы, мать их... Придется переслать тебя к транспортнику на модуле. Не задерживать же звездолет!

– Разрешите остаться на борту и понаблюдать за работой пилотов три дня, которые остаются до отхода «Торнадо» в Альфа-радиус, сэр?! – отчаянно выпалил Джой, удивившись собственной смелости.

– Хорошо формулируешь. Слыхал, Джери? – обратился капитан к первому пилоту и установился на стажера, как будто только сейчас его заметил. – Отличник, что ли?

От взгляда замерзнуть можно было. Джой Ив замерз и молча кивнул. Первый пилот что-то сказал капитану по индивидуальному коммуникатору так, что Джой не смог расслышать. Капитан вытащил сигарету...

«Запрещено параграфом 40, пункт 11 Кодекса Космоплавателей», – машинально отметил Джой про себя.

Гардон не спеша прикурил, щелкнув зажигалкой, и ответил старпому, пожимая плечами. Переговорные устройства с встроенной системой блокировки внешнего звука Джой раньше видел только на кафедре Технологий связи. Он терпеливо дожидался конца бесшумного диалога.

– Оставайся, – неожиданно сказал Гардон.

– Да, сэр! – вытянулся Джой.

– На экскурсию по «Монике» у тебя есть десять дней до следующего транспортника. Скажи спасибо первому пилоту Джеральду Стрэйку. На большее не рассчитывай.

– Благодарю вас, сэр!

Капитан бросил пачку Star wind на пульт и отвернулся. Разговор закончился для Джоя весьма сомнительной победой. Он стоял посреди рубки навытяжку и представления не имел, что делать дальше, пока, на его счастье, в помещение не ввалился еще один член команды. Чтобы окинуть его взглядом целиком, Джою пришлось невольно задрать голову. Новое действующее лицо имело бравый вид, бархатный баритон и пшеничные кудри, которые едва ли когда-то стриглись по уставу.

– Вынес я вам все пилотируемые модули на отдельный терминал, – загудел Виктор Блохин, который совмещал на «Монике» обязанности бортинженера и врача, – с пульта второго

пилота можно контролировать. Эдвард вернется – протестируем. А это что? – Виктор ткнул пальцем в замершего по стойке смирно Джоя. – Биоробот?

– Курсант «Вышки», как видишь, – сказал радист, – на практику просится, – он поджал тонкие губы, пожевал ими и добавил: – уже почти напросился.

– Мы взяли стажера?! – бортинженер повернулся в сторону капитанского кресла и понизил голос. – Стареем, господа, стареем. Или мои глаза меня обманывают?

– Никто его не брал пока, – сказал капитан, не обернувшись. – Эдвард будет через два часа. Я ухожу группу Вейса координировать. Со Стрэйком тестируйте.

– Ага. Сам, значит, взялся. Пришелец, не иначе. Как звать, курсант?

– Джой Ив, сэр!

– Мда-а... Клинический случай. И транспортник отчалил уже... Ну пойдем, Джой-Ив-сэр, буду демонстрировать тебе образцовое гостеприимство. Комсостав не возражает? Не стоять же ему тут весь день! Капитан? Джери?

– Проваливайте, проваливайте, – проворчал первый пилот, – без вас спокойнее. Пристрой его куда-нибудь, Виктор. С пульта второго пилота, говоришь? Сейчас посмотрим.

В коридоре бортинженер бесперемонно оглядел добычу с головы до ног. Перед ним стоял смуглый, худощавый, коротко стриженный парень в новенькой форме курсанта группы выпуска.

– М-да, – еще раз повторил бортинженер, но уже не так театрально и гораздо более дружелюбно. – Ну что ж... тоже развлекуха. Раз Рэд тебя сразу не выгнал, добро пожаловать на «Монику». Меня зовут Виктор Блохин. Так и быть, провожу тебя к жилому отсеку технического персонала. В «апартаменты» комсостава тебе еще рановато. Заодно с ребятами познакомишься. Эй! Джой, ты немой?

– Нет, сэр!

– То молчит, то кричит, – хмыкнул бортинженер, – где живое человеческое общение, которого нам так не хватает в бескрайних просторах Вселенной?

Джой Ив неуверенно улыбнулся в ответ. Как минимум, за двух членов экипажа «Моники» он уже готов был умереть. Из чувства благодарности.

Виктор определил мальчишку в гостевую каюту, поднялся наверх и столкнулся нос к носу с запыхавшимся Эдвардом, почти бегом направлявшимся в рубку. Легкий скафандр облегал фигуру довольно плотно и даже во внутренних отсеках корабля не выглядел громоздким. И второй пилот «Моники» не стал утруждать себя переодеваниями между рейсами, сбросив назад гермошлем, который сложился на плечах в высокий складчатый воротник. Вообще-то командор Вейс отдал распоряжение всем пилотам работать в полужестких скафандрах, учитывая местную специфику, но у Эдварда, к счастью, был еще непосредственный начальник, который приказ командора подтвердил, но при этом так скривился, что Эдди в полужестком скафандре работал за два месяца только два раза. Первый, когда вез командора Вейса с недостроенного орбитального комплекса в десантный лагерь на поверхности Файра. А второй – когда забирал его оттуда через сутки.

– Привет, сделал терминал? – Пилот замедлил шаг, мягкий свет, лившийся с потолка, рассыпался на отражателях скафандра.

– Сделал, – задумчиво сказал философски настроенный Виктор.

– А что за пожар такой на «Торнадо»? Загеметизировались в пять минут и отвалили к орбитальному комплексу. Валдис даже в гости не заглянул.

– Ты еще не знаешь?

– Нет. А что я должен знать?

Эдвард остановился посередине галереи, полукольцом опоясывающей рубку. За его спиной с легким шипением захлопнулись двери лифта. Уровнем ниже располагался ангар. Влево отходил коридор, ведущий, как выразился Виктор, в апартаменты командного состава. Дру-

гой конец коридора упирался в диафрагмальный люк, преграждавший путь в рубку. Вернее, должен был упираться. Сейчас разведенные лепестки бронированной ирисовой диафрагмы прятались в прорезях переборок и проход перегораживал только слабо мерцающий силовой щит, закодированный на биопотенциал членов комсостава «Моники». Космолетчики постоянно мотались между бортом своего звездолета, орбитальным комплексом Вейса и десантным лагерем на поверхности Файра, и бесконечное «хлопанье дверями» стало вызывать легкое раздражение уже к концу первой недели работы.

– Валдис на своем «Торнадо» Гардону практиканта привез, а теперь сваливает, – пояснил радист. Он вышагивал по коридору с отрешенным видом, держа руки в карманах рабочего комбинезона. – Боится, что он его пошлет.

– Э-э-э... Кто кого? – озадаченно спросил Эдвард, который вообще перестал понимать, что происходит и настороженно разглядывал силовой щит, за которым двигались смутные тени, беззвучные для тех, кто находился за пределами рубки.

– Теперь уже Гардон – всех! – уверенно сказал Кейт.

– Что-то я ничего не понял, – пробормотал Эдвард. – Вы меня, часом, не разыгрываете? Кейт, ты почему не в рубке? Кто на мостике сейчас?

– На мостике сейчас Гардон со Стрэйком обсуждают возможность пребывания стажера, которого Валдис на «Торнадо» привез, на борту нашего звездолета, – доверчиво сообщил радист, – вдумчиво взвешивают все за и против. Я вот не мешаю. А ты, Эдди, в рубку шел?

– Я? Не, я к техникам, – подозрительно быстро ответил второй пилот «Моники», – у меня сегодня... свет в кабине планетолета вырубился. Вчера электрику прозванивали, а я в темноте, только панель светится. Я пошел! – Эдвард отступил обратно к лифту. – Вы мне потом все объясните, ладно? Про «Торнадо», про стажера и из-за чего на самом деле Рэд со Стрэйком разлаялись.

– Не поверил, – вздохнул ему вслед Кейт и взглянул на часы. – Все. Пора возвращаться.

В последующие десять дней практики Джой познакомился со всем экипажем МНК-17 и сделал для себя несколько жизненно важных выводов.

Из сорока двух параграфов Кодекса Космоплавателей капитан Гардон признает два: «Оказание помощи по сигналу SOS» и «Правила поведения посторонних на борту».

Радист Кейт Фил не любит стажеров.

Первый пилот Джеральд Стрэйк – болтунов.

А со вторым пилотом Эдвардом Геттом необходимо соблюдать крайнюю осторожность в обсуждении подпространственных перемещений. Конек Эдварда – малые бортовые звездолеты. Техники проговорились, что в открытом космосе он проигрывает в скорости Гардону и Стрэйку и тайно страдает по этому поводу.

В сторону штурмана с необычным именем Серж Сент-Фалль Джой первое время даже взглянуть боялся, чтобы лишний раз не попасть к нему на язык.

Единственным членом комсостава, с кем у Джоя никогда не было проблем в общении, оставался только неизменно дружелюбный Виктор Блохин. Единственным доступным видом работ – дистанционное управление модулями забора проб.

И Джой, которого в первый же день «на пробу» пустили за пульт второго пилота, старательно водил неуклюжего М-8 по поверхности. Стрэйк, контролировавший все остальные модули и беспилотники, бился об заклад с радистом, что аппаратура «Моники» не возьмет станцию «Огни эстрады». В процессе поиска замшелого ретро Кейт поймал еще несколько похожих станций и разговор геологов с поверхности Файра, которые отчаянно бранились в адрес служб обеспечения. Перепалка в эфире достигла апогея. Джой изо всех сил пытался сосредоточиться на работе среди общего веселья, на которое пока не имел права. Вошедший капитан остановился как раз за спинкой его кресла. Вместо того чтобы делать замечания команде, Гардон бросил хмурый взгляд на стажера и сказал:

– Джой, завтра возьмешь все поверхностные модули. Заваливаешь один – идешь охранять технические уровни, поддерживая в них чистоту и порядок до прихода транспортника. Понятно?

– Да, сэр!

– Ну а пилоты займутся, наконец, своей работой.

Под своей работой понимались челночные грузовые и десантные рейсы на орбитальную базу и поверхность Файра. Файр, искусственным спутником которого временно оказалась «Моника», был планетой вулканов и гор. Скальные террасы, хаотическое нагромождение их осколков, медленно сползавших в кратеры с кипящими озерами лавы, и величественные вершины. Раскаленная магма из недр циркулировала внутри горных хребтов словно кровь в артериях, периодически прорываясь вверх и взрываясь над холмами и пиками ослепительными фейерверками. Раскаленные брызги оседали на близлежащих хребтах, придавая им самые причудливые формы и очертания. Горы на ночной стороне планеты с высоты казались россыпью драгоценных камней, щедро раскрашенных всеми оттенками красного: от темно-рубиновых до ярко оранжевых. После первого полета со Стрэйком в десантный лагерь Файра Джой всю ночь снились огненные фонтаны.

Около девяти вечера к Гардону, заступившему на ночную вахту, заглянул первый пилот «Моники».

– Что ты решил делать с мальчишкой, капитан? – напрямик спросил Джеральд Стрэйк.

– Ничего не решил, не до того было. С навыками дистанционного управления у него вроде бы все в порядке. Ты ж меня уговаривал его сразу не выгонять...

– Знаешь, Рэд, я взял его сегодня вторым на планетолете. На последний грузовой заход.

– Угу. И что?

– Нормально. По крайней мере, не теряется. А мы зашиваемся, капитан.

– Ты все-таки предлагаешь его оставить, Джери?

– Я предлагаю не водить парня за нос. Через два дня причаливает транспортник.

– Хорошо. Завтра я сам его возьму. Может, и оставлю. С условием, что почетную обязанность делать из него пилота возьмете на себя вы с Эдвардом.

– Сделаем, не впервой, – улыбнулся Стрэйк.

Капитан сдержал слово. Джой чуть дара речи не лишился, когда Гардон неожиданно выбрал его себе в напарники. До сего дня капитан предпочитал стажера не замечать, а Джой по возможности старался не путаться у него под ногами. И вот когда курсант Ив убедился на собственном опыте в том, что капитаны АСП не любят стажеров, поблагодарил судьбу за девять незабываемых дней, проведенных на борту МНК-17 и начал сочинять более или менее правдоподобную историю о причинах, задержавших начало его настоящей практики, Рэд указал ему на кресло первого пилота катера.

– Заход на орбитальную базу – груз контейнерный. Погрузка автоматическая, без стыковки. Возьмешь на верхнюю консоль, увезешь в северный десантный лагерь, возврат на «Монику». Задача ясна?

– Да, господин капитан, – ответил Джой, нечаянно сел на подлокотник подло развернувшегося пилотского кресла и сполз на сиденье.

– Ты почему в легком скафандре? Приказ руководителя работ тебя не касается?

– Виноват, сэр!

Слава богу, у Джоя хватило ума не сказать: «А вы тоже не в полужестком».

Капитан закрыл забрало гермошлема.

«Ржет надо мной, наверное», – тоскливо подумал Джой.

Все еще улыбаясь, Гардон пристегнулся в кресле второго пилота, демонстративно скрестил руки на груди и, решив, что страху на парня нагнал достаточно, принялся разглядывать

медленно удаляющийся борт собственного звездолета. Медленно – не значит плохо. Или значит?

«Монику» сейчас было не узнать ни изнутри, ни снаружи. Незанятыми на борту остались только четыре одноместных люкса, расположенных рядом с каютами командного состава, которые Рэд принципиально не отдал в общее пользование, несмотря на недовольство командора Вейса. Все двадцать пассажирских кают оккупировали специалисты, прибывшие для работы на орбите и поверхности Файра.

В трехместных временно поселились пилоты-орбитальники Вейса – на недостроенном комплексе никак не могли наладить климат-контроль жилых помещений. Гардон представил, что люди сутками не будут вылезать из скафандров, и забрал к себе одно из подразделений в полном составе. В результате из ангара, чтобы запихнуть туда три лишних десантных грузовика, пришлось вывести в космос все орбитальные и планетные модули «Моники», собрав из них настоящую гирлянду. Чаще этими небольшими машинами пользовался технический персонал МНК-17: управление ими не требовало специальной подготовки и контролировалось пилотом с центрального пульта несущего звездолета. При желании и ребенок справился бы. Но теперь, чтобы добраться до нужной машины, приходилось протискиваться сквозь бесконечный коридор стыковочных тамбуров. А рабочий день начинался с того, что от гирлянды отрывалась одна секция за другой.

В ангаре вместо двух штатных бортовых звездолетов, едва не соприкасаясь бортами, стояло сразу пять машин. И все равно это не спасало: не поместившиеся грузовики, держась друг за дружку короткими стыковочными «хоботами», утыкались в буксировочный узел МНК-17, если их экипажи не работали в ночную смену. Все стыковочные узлы в течение рабочего дня были постоянно заняты. На всех наружных захватах, к которым обычно крепился габаритный груз, не помещавшийся во внутренних трюмах «Моники», выдвинутых на максимум, размещались наполовину смонтированные блоки орбитального комплекса.

«Моника» так обросла чужим железом, что сам капитан едва узнавал корабль под решетчатой шубой недостроенных конструкций, отливающей в свете местного солнца металлическим блеском.

После ночной вахты рабочий день тянулся бесконечно. Рэд зевнул, посмотрел на сидящего рядом стажера, на часы... Как только у Стрэйка терпения хватает! Рэд отобрал у мальчишки штурвал, соврав, что планетарные разведчики просили поторопиться, быстро загрузился и уронил машину в жидкую атмосферу огненной планеты.

Джой поздравил себя с окончанием экскурсии по «Монике» и началом поиска звездолета для прохождения практики согласно базовому списку, но на обратном пути сжалившийся Гардон все-таки вернул стажеру управление капитанским катером со словами:

– Не состыкуешься – лететь тебе завтра в «Вышку» с докладом о проделанной работе. Я серьезно.

И Джой, разумеется, промахнулся.

Над периферийным стыковочным узлом, единственным остававшимся свободным, нависала ферма орбитального комплекса – очередная почти законченная деталь гигантского конструктора. С другой стороны выстраивалась гирлянда из модулей. Рабочий день близился к концу, и часть машин возвращалась на техобслуживание. Вокруг роилась роботизированная мелочь. В открытый ангар заходил грузовик орбитальников, а еще один описывал вокруг «Моники» круги, дожидаясь очереди. Джой ощутил острую нехватку воздуха, рванул вперед, чтобы не столкнуться с грузовиком, испугался, что сомнет на такой скорости стыковочное устройство, и принялся отчаянно тормозить. Звездолет развернуло, и он боком прошел в метре от цели. Рэд вздохнул:

«Джой, – негромко сказал он в инком, выйдя из режима общей аудиосвязи. – Как ты собираешься работать в пространстве? Надо не на мой капитанский шеврон смотреть в

момент маневра, а на рулевое управление. Чем там с вами психологи по четыре года занимаются, не понимаю!»

– Разрешите второй заход, сэр?

– Да хоть десятый.

Джой развернул машину.

– Эх, выгонит! – сказал Стрэйк, глядя на центральный обзорный экран рубки.

– Не выгонит, – возразил Кейт, – иначе бы уже сам взял управление.

– Жалко. Хороший малыш, покладистый, – ухмыльнулся Блохин, наблюдая за медленно разворачивающимся катером.

– Вить, тут судьба человека решается, а ты... – начал Кейт, – о, смотри, состыковался! Ну капитан суров. На периферийный стыковочный узел парня загнал!

Через несколько минут в рубке появился Гардон.

– Где юный космопроходец, капитан, – поинтересовался штурман, – высадил тебя?

– Я заставил его перегнать катер на место.

– Смело, – хмыкнул Серж. – Готовься, Виктор, сейчас нам ангар расхреначат.

– А почему я? Экстренный ремонт шлюзов ангара и малых бортовых звездолетов в компетенции старшего техника, – авторитетно заявил Блохин.

Но в ангар Джой зашел чисто, и Гардон официально объявил комсоставу и техническому персоналу, что оставляет стажера на весь период практики. Только теперь к курсанту начали относиться как к члену экипажа. Конечно, не как к полноправному, но все-таки! Его завалили работой, дни полетели с головокружительной быстротой, транспортники причаливали каждую неделю, но Джой успел забыть, что еще совсем недавно ждал их появления с единственной мыслью о бесславном возвращении на базу ВШК. После тридцатого самостоятельного полета в десантный лагерь Файра Джой перестал их считать. Сейчас он был уже твердо уверен в правильности своего выбора: ни на одном другом корабле стажеру не доверили бы и десятой части той работы, которую он ежедневно выполнял на «Монике».

В тот день Джою предстоял рейс в район гор-полукорон, пользовавшийся среди персонала орбитальной станции и планетарных разведчиков дурной славой. Ходили упорные слухи, что одна из первых исследовательских групп плутала там почти двое суток и вернулась чудом, несмотря на наличие спутников связи и карт района. Реальные события, послужившие началом легенд, уже никто в точности воспроизвести не мог. Зато под вечер в кают-компании технического отсека не уставали рассказывать о беспамятстве вернувшихся планетарных разведчиков, якобы едва не перестрелявших друг друга, о загадочных огненных колоннах и гигантских полупрозрачных щупальцах, скользящих в кровавых сумерках глубоких ущелий.

В конце концов все эти рассказы дошли до командора Вейса. Тот решил положить им конец и распорядился исследовать труднодоступный район, для начала поручив Гардону провести разведку с воздуха силами экипажа «Моники». Рэд, понятное дело, в восторг от поручения не пришел и разругался с начальством, доказывая, что исследование поверхности планет – это задача подразделения планетарной разведки, а не космолетчиков. То ли Вейсу не понравился тон, которым несговорчивый капитан произнес: «Пусть выкатывают свои планетарные тихошлепы и обследуют каждый сантиметр поверхности, пока не предоставят вменяемый отчет о безопасности!», то ли сама постановка вопроса о жестком разграничении полномочий между космолетчиками, пилотами-орбитальниками и планетарными разведчиками... Задание Гардону все-таки навязали.

Ставить Джоя вторым пилотом и отпускать их вдвоем с Эдвардом он, конечно же, не планировал. Но Стрэйк накануне получил травму. Во время разгрузки на Файре с плохо закрепленной стартовой платформы сорвалась одна из опор десантного грузовика. Платформа встала на дыбы, и только по счастливой случайности никто серьезно не пострадал. Предоставив Стр-

эйку двое суток отдыха, Рэд второй день без передышки разрывался между обязанностями пилота и координатора.

– В разведывательный полет на планетолете Эдвард и Джой, готовьтесь к старту, – объявил он, ввалившись в рубку «Моники».

– Ладно тебе, капитан, – попробовал возразить Стрэйк, самовольно покинувший медицинский отсек, – давай я сяду вторым, Эдди меня прокатит по старой дружбе. Или Сержа поставь. Где он, кстати? Опять шляется где попало!

– Нет, на сей раз все по-честному, – вступился за штурмана Кейт, – час назад ушел на орбитальном модуле вакуумный монтаж страховать.

– Так бы и сказал – вакуумных монтажниц. Знаем мы, чего он там боится, – проворчал Джери.

Рэд на секунду задумался. События поручить разведку Стрэйку или плюнуть на руководство всем тем бардаком, что творился в околопланетном пространстве и сесть за штурвал самому был велик.

«Виктор, что скажешь?» – все-таки спросил Рэд в инком.

Полдня отработав на злополучном десантном грузовике, он даже не успел сменить скафандр на летный комбинезон. И с инженерным терминалом орбитальной базы, откуда второй день не мог выбраться погрязший в чужих технических проблемах Виктор Блохин, связался, все еще стоя посреди рубки.

«Я против кандидатуры Стрэйка, – заявил Виктор в коммуникатор, который Рэд включил на громкую связь. – Нечего ему сегодня делать в пилотском кресле. Гони его обратно в медотсек, капитан, я скоро буду, посмотрю еще раз. У нас не аврал. Без вас прокатятся».

Вопрос был решен.

– Все слышали? – спросил Гардон. – Джери, шагай обратно в лазарет. Сейчас же. И не высывайся оттуда, пока Блохин тебя лично не выпустит. Эдди, бери стажера и бегом в ангар. Джой, стой! Не вздумай просить у Эдварда управление, узнаю – руки оторву. Первым пойдешь в другой заход. Эдди, а ты не снижайся без необходимости: съемка, сканирование поверхности, сброс маяков, два зонда – и сразу назад. Со связи не уходить. Старт по готовности.

– Да, сэр.

Рэд наконец дошел до капитанского кресла «Моники» и навел на орбитах Файра бледное подобие порядка, то и дело поглядывая на индикатор слежения планетолета. Строго-настрога приказав Джой с Эдвардом не отключаться, краем уха он слушал их голоса. Пилоты, впрочем, вели себя идеально: никаких посторонних разговоров. В нижнем углу обзорного экрана разворачивался удивительный ландшафт, транслируемый с передней камеры планетолета, который почти полз по поверхности, – Эдвард был неисправим. Зато за качество установки маяков волноваться не приходилось.

– Эдвард, поднимись. Брюхо царапает. Кейт, пеленгуй их, чтоб ни на секунду из поля зрения не пропадали. Мне сегодня разведчики жаловались на перебои с орбитальной связью, – сказал Гардон радисту, остававшемуся в рубке.

– Никуда они не денутся, – заверил Кейт. – С помехами разбираюсь.

«Здесь огненные гейзеры, капитан. Торчат вертикально, прямо из грунта! Сейчас отлажу картинку», – доложил Эдвард.

– Я и так вижу. Поднимайся, я сказал!

«Да, сэр. Мы спускаем туда еще один зонд и уходим».

– Отставить! Сбросишь с пяти километров... Эдвард! Ты меня слышал?

Инком хрюкнул и затрещал. Отметка планетолета провалилась к самой поверхности и заплескала над расщелинами.

– Черт! Секунду, капитан... – сказал радист.

Но Рэд уже вскочил с места.

– Кейт, я к ним! Врубай оповещение, доложи Вейсу о ЧП. Все транспортники, которые вошли в систему, – на высокие орбиты. Верни связь! – бросил он на бегу.

Глава 2. Форма жизни

Команды капитана неприятно резали слух и отдавались в голове Джоя многократным эхом. Он оглянулся на сидевшего слева Эдварда. Слово «уходим», произнесенное пилотом, вдруг обрело объем и грязно-коричневый цвет, разрослось до невообразимых размеров, пошло цветными разводами и лопнуло, оставив едкий запах горящего пластика...

Джой с трудом разлепил веки. Эдвард метался по кабине с бластером наперевес и, затравленно озираясь, палил в пульт. Точно в кошмарном сне, где действие вязнет в застывшем времени, Джой выцарапался из ремней и закричал, глядя, как прицельный зайчик весело заскакал в его сторону по искореженной стене. Дальше все, что Джой смог сделать осознанно, – это задушить порыв забраться обратно в пилотское кресло и скорчиться там, спрятавшись за высокой спинкой. В дело вступили рефлексy. Тело вдруг напружинилось, перегруппировалось и приготовилось к прыжку.

Эдвард развернулся. Еще ничего не соображая, Джой рванул вперед, как к спарринг-партнеру в спортзале «Вышки», и одним ударом сбил его с ног. Трясущимися руками стажер подобрал бластер, перекинул ремень через шею и метнулся к аптечке, бросив взгляд на пульт. Планетолеы валился в трещину, бог знает откуда взявшуюся посреди равнины. Большая часть аппаратуры имела повреждения. Отбросив аптечку, Джой прыгнул в пустое кресло первого пилота, размазав спиной серебристо-черные брызги изоляции.

«Неконтролируемое снижение. Крен сорок шесть градусов, нет стабилизации и маршевой тяги. Неконтролируемое снижение...» – ритмично повторял БК.

Джой включил маневровые двигатели в режим зависания – получилось! И снова бросился к Эдварду, с размаху упав перед ним на колени. Пилот лежал на полу совершенно неподвижно и, кажется, даже не дышал. Джой, как был на четвереньках, так и пополз к аптечке первой помощи, откатившейся к стене.

«Закрепите иньектор на правом плече пациента и загерметизируйте скафандр пострадавшего, – посоветовал механический женский голос, разбавив унылые сообщения бортового компьютера, перечислявшего вышедшие из строя системы. – *Внимание. Идет диагностика и коррекция функций».*

Щелкнул иньектор, Эдвард шевельнулся и затих. Пол планетолеы опять пришел в движение, динамик зашипел в ухо разъяренной кошкой, взвыл и затрещал. Джой, державшийся за подлокотник, чуть не разжал пальцы от неожиданности. Это травмированный бортовой компьютер, наконец, предоставил ему канал экстренной связи с несущим кораблем.

– «Моника»... – шепотом позвал Джой, стоя на коленях. – Помогите мне...

Шуршащий в динамиках белый шум лучше любого индикатора демонстрировал отсутствие связи как таковой.

– Капитан... Рэд, мы падаем! – отчаянно крикнул стажер, обняв спинку своего кресла. Вслух или про себя – уже не имело значения.

Как ни странно – это помогло. Джой перестал метаться, застегнул замки гермошлема и перебрался на место Эдварда.

«Ох, ты! Я ниже нулевого уровня. Двадцать метров... Черт!» Какая-то сила тащила его вниз, в пышущий жаром разлом. Скалы, мерзко взвизгивая, скрежетали по обшивке звездолета, оставшегося без защитного поля. Джой отогнал прочь мысль о том, что занял место пилота, которого только что убил, и запустил маршевые двигатели по аварийной цепи.

Собственно, он должен был сделать это сразу же. Его этому учили. Сначала – спасать корабль, затем разбираться с теми, кто еще жив на его борту. Его четыре года муштровали на теоретических занятиях, ему неустанно моделировали нештатные ситуации на тренажерах и

ставили высшие баллы, когда он лихо боролся за герметичность и ходовую часть своего псевдозвездолета, не дрогнув и не оборачиваясь на однокурсников, изображавших агонию.

Конечно, он обернулся на Эдварда. Иконка аптечки горела желтым, подсказывая, что человек в скафандре жив, но нуждается в помощи.

Джой шумно выдохнул и взялся за управление. Планетолет замер, несколько раз качнулся и неуверенно пошел вверх. Выла сирена утечки кислорода, и что-то скреблось по металлической шкуре корабля, словно просясь на борт. Подача изображения с наружных камер накрылась. Стажер мог ориентироваться только по радарам. Они обозначили вертикальный разлом и нечто, постоянно трансформирующееся на его дне – там, где кроме магмы, ничего не могло шевелиться. Идентификатор объектов настойчиво предлагал дополнить локационную картину видеорядом для верификации объекта.

«Семь-шесть-пять-четыре метра до поверхности...»

– Вверх, – шептал Джой. До трансформации на дне трещины ему не было никакого дела. Он не хотел работать в пространстве, жалел, что выбрал профессию пилота космофлота, к которой, как выяснилось, оказался полностью непригоден, и почти сломался, намертво вцепившись в рифленый изгиб штурвала.

«Ноль».

Планетолет бросило вбок. Джой мысленно поблагодарил наставников за то, что вбили ему в голову привычку всегда пристегиваться в кресле пилота. Сколов край скалы и помяв борт, его корабль понесся над равниной.

– Джой, глуши ходовую! Гаси движки! – гаркнул динамик.

И только тогда Джой сообразил, что это буксировка и он спасен.

«Атмосферная стыковка есть наиболее сложная операция по соединению двух и более звездолетов...» – бестолково крутилась в памяти фраза из учебника. Вслед за чувствительным толчком защелкали шлюзовые замки. Над люком загорелся зеленый треугольник, Джой по инструкции выключил двигатели, корабли неуклюже накренились и сели на каменистое плато, возвышавшееся над рубиновыми долинами.

Джой словно впервые увидел развороченный пульт, с которого стекала кремовая пена, скапливаясь на полу коричневатыми, испаряющимися лужицами. Сам он тоже был весь мокрый, обессиленный, оглушенный. И единственным звуком в наступившей тишине был звук отъехавшего в сторону люка. Капитан выглянул из шлюза, но Джой даже не попытался подняться ему навстречу.

– Джой, – очень медленно сказал Гардон в переговорник скафандра, – поставь оружие на предохранитель.

Джой вздрогнул. На шее у него все еще болтался бластер Эдварда. Он торопливо выполнил приказ, вскочил и забросил лучемет за спину.

– Да, сэр! Эдвард сейчас без сознания... Я не знаю, что произошло... Он начал стрелять. Но я...

Рэд убрал руку от кобуры на бедре и перемахнул через шлюз, придерживавшись за верхний край створа.

– Потом, Джой!

Он бросился к своему пилоту, проверил соединения портов скафа и наружной аптечки и легонько щелкнул по желтой иконке указательным пальцем в перчатке.

– Башку оторву, как очнется... Планетолетчик хренов... Джой! Что стоишь? Иди сюда, бери его за ноги! Тащим в катер. У меня там встроенный медицинский бокс. Как закончим, повторишь рапорт в развернутом виде.

Джой почувствовал себя ребенком, который вывозился, играя в песочнице. От которого взрослые справедливо требуют объяснений: каким образом за полчаса их милый благовоспитанный и сообразительный мальчик превратился в страшилище, подрался, испачкал штаны и

сломал все новые игрушки. Джой при всем желании не смог бы сейчас связно рассказать о случившемся даже родной матери. Рэд уселся в кресло первого пилота катера, указал стажеру на соседнее и никаких наводящих вопросов задавать не собирался. Он даже забрало гермошлема не открыл.

Джой вздохнул.

– Сэр, мы шли над долиной. Я на какое-то время потерял сознание, увидел, что Эдвард мечется по кабине с бластером наперевес, и я... – Стажер запнулся. – Я его ударил, чтобы он не разнес пульт. Нас потащило в пропасть. Я хотел выбраться на маневровых, затем вроде бы услышал приказ запустить маршевые двигатели. Сработала только аварийная цепь. И потом я не сразу сообразил, что вы включили энергетический захват.

– Поработал сегодня первым пилотом, Джой? Что ж... боевое крещение.

Джою показалось, что капитан говорит с издевкой. И неуместная ирония вызвала в нем горячую волну обиды. Джой вдруг разозлился на весь свет: на себя, на Гардона, на проклятое Нечто на дне пропасти, из-за которого он выглядел сейчас полным идиотом. Хорошо, если Рэд поверил, что Эдвард Гетт свихнулся первым. Бластер в итоге оказался в руках стажера! Ему хотелось кричать о том, что здесь, всего в нескольких километрах, притаился неведомый враг, а Гардон, рассеявшийся в кресле первого пилота, даже не пытается что-либо предпринять!

– Возвращаемся, Джой, – сказал Рэд. – Ты как? Готов?

– Д-да, господин капитан.

– Хорошо. Пристегнись. «Моника»! Это Гардон. Мы стартуем, идем в стыковке. К шлюзу Блохина с носилками! Заложите в систему оповещения запрет на вход в район западных полукольцевых гор. Код красный. «Неустановленное воздействие».

Рэд взялся за штурвал, капитанский катер приподнялся над поверхностью планеты, все выше задирая нос пристыкованного планетолета, оторвал от поверхности пострадавшую машину и потащил над холмистой равниной, дымящейся испарениями вулканических газов.

На десяти тысячах метров у Гардона заломило в висках с такой силой, что к горлу подкатила тошнота.

– Капитан, вы ничего не чувствуете?

Рэд расстегнул кобуру. Сквозь опущенное забрало гермошлема он не мог видеть, как расширились зрачки его юного напарника.

– Джой, – через силу сказал Рэд, протягивая оружие рукоятью вперед, – возьми-ка пока себе. «Моника»! Слышите меня? Кейт?

Связь опять пропала. Стажер тихо охнул. Рэд поднял голову. Над ними, затмевая местное светило, красовался необъятный огненный шар. Даже не шар, а какая-то безобразная кочковатая голова, вся в оранжевых сполохах. Посредине имелась неправильной формы щель. Вместо шеи торчал внушительный букет щупальцев, различных по длине и диаметру, тоже ослепительно полыхающих. Вдобавок шар имел ободок серого цвета, пронизанный красным и розовым свечением, точно ослепительный нимб. Воздух вокруг дрожал.

– О черт... – выдохнул Рэд, глядя, как это что-то или кто-то размером с астероид заполняет собой весь экран.

Стажер закрыл глаза и отвернулся.

Первым очнулся Гардон.

– Джой, черт возьми! – заорал он, стряхивая с себя ощущение липкой скованности, – Разворот с учетом сцепки! Наведение на цель. Не спать!

Окрик капитана вернул парня к действительности. Он схватился за штурвал, Гардон за систему наведения. И началось... Тварь, оказавшаяся потрясающе маневренной, металась по небу, не выпуская из атмосферы. Плазменные носовые пушки капитанского катера причиняли ей массу неудобств – и только! После очередного попадания щупальца нервно вздрагивали, извивались, скручиваясь в огненные кольца, и снова тянулись к кораблям.

– А еще говорят, что в космосе нет чудес, – пробормотал Рэд. – Только физико-химические реакции и биологические объекты... Вас так учили?

– Примерно.

– Не вались на прицеп! И что это, по-твоему, реакция или объект?

– Не знаю, сэр!

– Джой, – вдруг сказал Рэд, озаренный внезапной идеей, – держи штурвал! Удирай от нее. Не давай опутать стабилизаторы. Подставляй планетолет, пусть за него цепляется! Рули, не бойся, я сейчас вернусь.

Гардон скатился по стыковочному тамбуру. Раз не имело смысла стрелять по огню огнем, следовало включить систему наружного пожаротушения, которой все малые транспортные средства на Файре были снабжены по личному приказу командора Вейса. Тогда Рэд страшно злился, считая такое переоборудование излишней предосторожностью, задержавшей несколько рейсов исследовательских групп. Сейчас вся надежда была на то, что система работает, потому что они стремительно теряли высоту. Рэд добился от разбитого бортового компьютера планетолета готовности к запуску программы наружного пожаротушения и бросился обратно.

– Качественно маневрируешь, малыш! Ничего не скажешь, – еле выговорил он, повалившись на свое место. – Так без командира останешься. Разреши!

На трех тысячах Рэд взял управление и позволил закрутиться за двигательный отсек планетолета целой своре извивавшихся отростков.

– Внимание, Джой! Расстыковка... Разгон!

Взревели двигатели катера. Планетолет, оставленный в клубке щупалец, облился холодными пенообразователями. Озадаченная тварь на несколько мгновений забыла о погоне и раздулась, словно пылающий аэростат. Рэд развернул катер и безжалостно всадил в дюзы брошенной машины плазменный разряд. В атмосферу полетели обрывки щупалец и обломки малого бортового звездолета. Обгоняя взрывную волну, Рэд понесся в зенит с таким ускорением, что компенсаторы нагрузок опоздали на несколько g. Раненая тварь беспорядочно заметалась. Уши порвал пронзительный высокочастотный вой. Джой обмяк в кресле второго пилота и промычал что-то нечленораздельное, когда капитан его окликнул. Рэд вырвался на первый орбитальный уровень, воткнул автопилотируемый возврат и закрыл глаза.

* * *

Учеба в школе Рэджинальду давалась легко. Он частенько витал в облаках, грезил региональным чемпионатом по плаванию, параорбитальными гонками и космическими рейдами. Одновременно. На выпускном вечере наставник сказал ему: «Если вы хотите попасть в Космос, милорд, вам придется стать реалистом. Мне бы очень хотелось посмотреть, существует ли для вас такая возможность». И Рэд впервые решил серьезно поговорить с отцом и матерью о собственных перспективах. Родители должны были вернуться еще два дня назад, но рейс задержала Служба безопасности.

Он пришел домой, от нечего делать включил новости, увидел списки погибших во время теракта на пассажирском лайнере «Радуга» – и заглянул в бездну. Он снова и снова переключал каналы, затаив дыхание, боясь спугнуть надежду, пока не прослушал сообщение от начала до конца. Но даже тогда – не поверил.

Позвонила двоюродная сестра отца.

– Боже мой, какая трагедия! – зашебетала она. – Какая ужасная трагедия. Я все еще не могу прийти в себя. Бедный мальчик! Через два дня я, наверное, буду в районе Южного мыса и обязательно к тебе загляну... Ах, как это все ужасно.

Рэд разорвал соединение.

– Здравствуйте, – проникновенно сказал темный дисплей, – с вами говорит региональный центр психологической поддержки подростков.

Рэд выскочил из дома на берегу и, всхлипывая, побежал к морю. Но море не горевало вместе с ним. В блеске раннего утра лазурные волны ласково лизали берег частного пляжа. У причала призывно покачивался дорогуший отцовский катер...

Если бы Рэд побродил по пляжу немного дольше, возможно, его судьба сложилась бы совсем по-другому. Но он вернулся, проскользнул мимо громадного зеркала в гостиной, пугающего бездонной пустотой, собрал вещи и ушел, как ему тогда казалось, – восстанавливать справедливость. И довольно долго верил, что у него получается. Пока не понял, что оказался одной из пешек в чужой игре без правил.

Рэджинальд не сжигал мосты, вступив в действующую наемную армию. Они сами загорелись, стоило ему появиться в рекрутском пункте, взяв девичью фамилию матери – Гардон – и накинув недостающий год. Войны Второй волны были в разгаре, и к добровольцам особенно не придирались, вбрасывая их, почти необученных, в эпицентр боевых действий. К возрасту и документам рекрутеры ожидаемо придирались не стали и даже определили парня в десант. В последующих месяцах непрерывных боев среди новобранцев части он выжил один вовсе не потому, что умел выживать лучше других. Откуда ему тогда было взяться, этому умению? Будущего капитана спасло увлечение параорбитальными гонками. После двухнедельной переподготовки его поставили пилотом на десантный модуль. Рэд освоился очень быстро. Сквозь заградительный огонь планетных оборонных комплексов и боевых кораблей он раз за разом проскакивал практически без повреждений. И командир взвода берег его в бою как залог возвращения на несущий звездолет. Стать реалистом оказалось труднее: после того, как их часть сожгла мирное поселение на Эвионе, Рэд дал командиру по зубам прикладом своего «Карата-41». То есть у него почти получилось это сделать...

* * *

Катер стоял на платформе. Блохин открыл его снаружи ангарным паролем и сунул в проем люка лохматую голову.

– Ого... Вот это вы слетали! Все живы?

Капитан отстегнулся и поднялся ему навстречу.

– Да. У одного глюки, второй вырубился... Займись обоими. Эдди первым заberi!

– А ты как? Почему молчал, капитан?

Рэд посторонился, пропуская Виктора, разгерметизировал скаф и побрел к выходу.

– Эй, Рэд!

– А я... в порядке. Связи не было.

Он выбрался наружу и прислонился спиной к опоре. После ухода орбитальников на свою базу ангар казался слишком просторным. Мимо проплыли носилки с Эдвардом, следом двое техников под руки провели Джоя.

– Господин капитан? – оглянулся Сэнди, замыкавший процессию.

Рэд показал ему большой палец.

На соседней платформе около готового к старту пилотируемого модуля стоял Стрэйк. Он был в полной экипировке, только гермошлем полужесткого скафандра гармошкой сброшен назад. Старший техник Белтс проверял вновь приведенные в действие стопорные элементы платформы. Стрэйк бросил на капитана неодобрительный взгляд, развернулся, блеснув светоотражателями скафандра, и пошел обратно в раздевалку.

«Тебя Вейс обыскался, – не оборачиваясь, процедил он в коммуникатор, – свяжись с ним».

Гардон вспомнил, что перед вылетом сгоряча нахамил Блохину и Стрэйку – теперь неделю будут дуться. Насобирав приключений на свою голову, что и говорить. В инком орал командор Вейс. Обычно он себе такого не позволял, несмотря на все разногласия. Рэд успокоил начальство словами «без потерь», выждал минут пять, чтобы не встречаться со Стрэйком в раздевалке, похлопал катер по опоре и побрел прочь из ангара.

В медотсеке Блохин сворачивал диагностический комплекс «Сатурн».

– Как они? – спросил Рэд.

– Эдди очухался, как на носилки стали перекладывать. Джой вообще в норме, только стрессанул знатно. Выпустил их отсюда минут десять назад, ринулись в рубку рассказывать о своих подвигах. Все равно рабочий график сорван.

– Оба ринулись? – уточнил Рэд.

– Оба. Ты сам-то как? Ожил или чем помочь?

– Нормально. Как и положено бывалому космопроходцу... Пойдем тоже на мостик сходим. Послушаем, что такого интересного могло случиться с нашим вторым пилотом, что в итоге мы грохнули планетолет.

– Эксплуатационная гибкость оборудования! – Блохин многозначительно поднял палец вверх, – какой, однако, глубокий смысл ты сегодня вложил в банальное словосочетание.

– Отстань, без тебя тошно, – отмахнулся Гардон, – еще раз скажешь перед вылетом: «У нас не аврал», – за шлюз выброшу.

– Ты... – Виктор замялся, – с Эдвардом помягче, ладно? Без всяких там «мастер пилотажа», «не с телеги слез» и всего такого прочего. Он только из шока вышел. Расстроенный – дальше некуда... Слышишь, Рэд?

Когда капитан и Виктор вошли в рубку, обсуждение случившегося было в полном разгаре.

– Простите, сэр, обсуждение стихийно началось в отсутствие капитана, – сказал штурман. – По моей личной просьбе.

– Что-то сегодня слишком много событий происходит стихийно. О чем речь?

Джой вскочил с капитанского кресла, в которое его временно усадили как героя дня, не имевшего постоянного места в рубке.

– Что значит молодость! – хмыкнул Серж. – Я бы после такого денечка не встал даже перед Дорвардом.

– Сиди, – подтвердил Рэд, опустившись на место бортинженера – Блохин только руками развел. – Эдвард, я тебе сколько раз говорил с запасом высоты летать? Хотя... если дальше упорствовать – и это не спасет. Летать не на чем будет. Слушаю тебя.

Джой счел за лучшее остаться на ногах, Эдвард встал рядом. Кто шел первым пилотом в рейс – тому и докладывать.

– Виноват, сэр, – Эдвард прикусил губу, – орбитальники не зря говорили, что там живет что-то! Скажи, что ты бы ушел, капитан... когда вот она – разгадка...

– Спорит еще, – заметил Стрэйк, поставив на пол пустую банку из-под пива.

– Я бы ушел, – сказал Гардон.

Просьба Виктора о снисхождении по медицинским показаниям возымела действие, и Рэд заставил себя остановиться на полуслове. Эдвард молчал. На его широких скулах проступил румянец. Реплика капитана, относящаяся, в общем-то, к выполнению приказов, была воспринята им как намек на превосходство. И, возможно, не без причины.

– Чего у нас «Уборщики» не шевелятся совсем? – неожиданно посетовал Стрэйк и катнул жестянку по полу. – Виктор, скажи Белтсу. Увлеклись ребята полетами на модулях, никакого порядка на борту не стало... Что за тварь-то, Эдди?

Банка, позвякивая, докатилась до желтого квадрата мусоросборника, деформировалась и начала медленно всасываться в пол. Эдвард встал у центрального обзорника, кивнул Джой – продолжишь – и начал говорить, используя видеозапись для иллюстрации.

В центре одного из провалов, которыми пестрела долина, в режиме сканирования действительно определялась уходящая в недра трещина, заполненная чем-то аморфно-текучим, не похожим на остальные породы по структуре. В видеорежиме монстр, прятаясь в разломах скал, не отличался от окружающих гор по окраске. Настолько не отличался, что ни один из участников дискуссии не указал нужную трещину, стоило убрать компьютерную метку.

– Да уж... Найдите десять отличий, – сказал штурман.

Оранжевые столбы расценили как сторожевые щупальца. Гардон подтвердил предположение, рассказав, как он пообрывал часть из них об острые края расщелины, когда тащил планетолет на энергетическом лассо. Эдвард, как оказалось, стрелял не в Джой и не в пульт, а в привидевшуюся ему крылатую гадину, смахивавшую на малинового птеродактиля.

– А теперь – самое интересное. – Рэд развернул изображение. – Все это видели, с орбиты – еще лучше нас, но хоть кто-нибудь может мне это объяснить?

Монстр превратился в зеленоватую амёбу с желтым ободком. Неизменными остались только щупальца, к которым с этой стороны добавились короткие толстые псевдоподии. Точные размеры осьминога-амёбы определить не удалось, так как он постоянно менял объем. Но температура его тела и в самом деле колебалась от полутора до двух тысяч градусов.

– Да-а. Дела... – покачал головой Стрэйк, потирая ушибленное накануне плечо, – не может быть, просто потому, что быть не может. Горячий двойной осьминог, живет в подземном озере магмы, воздействует на психику и летает не хуже истребителя!

– Скорее кальмар, – возразил Гардон, – если учитывать принцип движения в атмосфере.

– К тому же вызывает мощные помехи, – добавил Кейт, – мы тебя почти не слышали, Рэд. Вот, полюбуясь, что творилось в эфире.

Рубку заполнили шум и треск, сквозь которые пробивалась незатейливая песенка «Огней эстрады».

– А связь в окрестностях Файра всегда была отличная! – продолжил Кейт, обернувшись к Стрэйку. – С тебя ящик пива, Джери.

– Что? – опешил первый пилот.

– Я говорю, «Огни эстрады» моя аппаратура берет даже из этой дыры.

– Друзья, называется, – загудел Блохин, – последние штаны друг с друга снять готовы. Сто лет назад ведь спорили!

– погоди, он с меня еще проценты возьмет, – вздохнул Стрэйк, вспомнив давний спор, – вот увидишь.

Джой и Эдвард по-прежнему стояли навытяжку посреди рубки.

– Поскольку в ситуации без дополнительных исследований нам разобраться не удастся, – подытожил Рэд, – всем отдыхать. Вейс приостановил плановые работы на сутки. Планетарные разведчики прочесывают район полукорон по периметру и снимают показания с наших зондов. Пока не дадут заключение о безопасности других участков, мы свободны. Отдыхать не в рубке! – И он, сощурившись, посмотрел на Блохина.

– Не надо так смотреть, капитан. В прошлый раз кто-то сигаретой прожег мне кресло. Вы завалили каюту объедками и перегрузили дымом вентиляционную систему. Я тебя и этих старых пьяниц больше на порог не пушу. Смотри, сейчас они кровь друг другу начнут пускать.

Кейт Фил и Джеральд Стрэйк как раз перешли со спора о мощности передающих станций на старинные карточные долги.

– Вить, пощади, – взмолился Эдвард, убедившись, что гроза пронеслась мимо, – ты мой единственный антистрессовый фактор на сегодня! Птеродактиль напал, стажер в ухо заехал. Капитан за планетолет чуть не убил. Должно же в моей жизни произойти хоть что-то хорошее!

– Пощади, пощади, – передразнил Блохин, – меня из-за тебя пытались скафандровым сапогом в живот пнуть! Когда я поинтересовался, не помочь ли чем.

– Не надо приставать на стартовой платформе с дурацкими вопросами, – ухмыльнулся Гардон. – А ты, Эдди, лучше бы режим сканирования включал вовремя.

– Я включал, капитан. Ты только что мою запись видел! – сказал Эдвард.

– Если включал, хрен ли не смотрел? На кой черт ты там на брюхе ползал! Вы сколько зондов сбросили?

– Три, господин капитан.

– Какой был приказ?

– Сбросить геомаяки, два зонда и сразу назад.

– Молодец, Эдвард! Что еще сказать... Джой, а ты чем занимался, перед тем как геройствовать начать? Если видел, что пилот теряет контроль и стреляет зондами по расщелинам! Лампочки на пульте пересчитывал?

Стажер благоразумно молчал.

– Пойдем выпьем, – предложил бортинженер, воспользовавшись паузой, подошел и хлопнул Эдварда по плечу. – Капитан, ты сказал, мы свободны.

– О! Первая здравая мысль, – поддержал штурман. – Я с вами, Виктор. Слышал, у тебя сегодня гости? Грубияны-пилоты не понимают твоей тонкой душевной организации, а я, так и быть, заскочу в бар по дороге. Ваши вкусы я уже изучил.

Эдвард вышел из рубки в сопровождении Сержа и Виктора. Джой тоже собрался уходить, но Гардон, так и оставшийся сидеть на месте бортинженера, притормозил его на выходе, дождавшись, пока за диафрагмой люка скроются Стрэйк и Кейт.

– Джой, постой. До начала твоей первой пьянки на борту моего звездолета времени еще навалом.

– Да, сэр.

– Ответь мне на один вопрос: ты когда-нибудь занимался нетрадиционными науками?

– Нет, господин капитан.

– Когда вы полетели в трещину, ты звал на помощь?

– Да, господин капитан, – Джой совсем смутился, – я плохо помню этот момент, сэр. Кажется, я звал вас... по имени.

Он был готов провалиться сквозь землю.

– И ты слышал, как я приказал запустить маршевые двигатели?

– Да.

Джою вдруг расхотелось проваливаться под землю. Он понял, почему капитан учинил ему допрос.

– Но Кейт сказал, что связи не было!

– Вот именно, малыш. Однажды странный тип, с которым меня свела судьба, прочел мне целую лекцию о всяческих чудесах, телепатии и потусторонних явлениях. Я ему не поверил. Поневоле задумаешься...

– У меня... У меня нет достойного объяснения событиям, сэр.

– Что ж, тогда спишем все на осьминога. Потому что тот оборванец-философ, хоть и обладал неведомой властью над людьми, погиб все-таки как бродяга. Ты свободен, Джой.

* * *

Гардону вспомнились бесконечно серые стены камеры и внезапно распахнувшаяся дверь. На пороге стоял человек в одежде заключенного. Рэд невольно зажмурился. В светлом дверном проеме незнакомец казался облаченным в прозрачный серо-голубой плащ.

– Ты кто?!

– Я – твоя надежда, – весело и нараспев заговорил гость, – я – ветер странствий, которому имя – Юн. Пойдем.

– Куда?..

– Странствовать, конечно!

– Ты псих, – разочарованно сказал Рэд, – сейчас здесь будет целая свора охранников.

– Охранники смотрят сны, потому что я решил уйти отсюда. А ты, похоже, не веришь в Судьбу, Рэджи.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Я знаю многие имена, но какое это имеет значение? Наступает великий день. И напоследок я решил подарить тебя миру. Я долго думал, глядя на тюрьму. Здесь горела не единственная свеча, но выбор всегда непрост...

– Что ты несешь? Убирайся! У меня нет свечей.

– Не важно. Звездные часы уже бьют полночь. Решай, – Юн вдруг заговорил совершенно нормально и свечение, померещившееся Гардону из-за лившегося из коридора света, угасло. – На нашем ярусе беспорядки. В суматохе будет легче проскочить на стартовую площадку. Если ты действительно хороший пилот, каковым себя считаешь, у нас есть шанс. Непосредственную охрану взлетного поля я возьму на себя.

– Я не смогу идти, – через силу сказал Рэд, посмотрев на окровавленную повязку на ноге – результат неудавшейся попытки к бегству.

– Иди след в след, – ответил Юн и вышел из камеры, оставив на полу ослепительные голубые следы.

Рэд дополз из своего угла до первой голубой кляксы и неуверенно поставил туда правую ногу. Боли не было. Светящихся следов тоже больше не было – призрачная цепочка бесследно растаяла. Рэд выскочил в коридор, стараясь не упустить из виду странного попутчика. Пока они отсиживались в пищеблоке, а в тюремных коридорах бунт перерастал в настоящий ад, Юн и прочитал Гардону знаменитую лекцию про загадочные тоннели межзвездных переходов, ведущие чуть ли не через всю Вселенную, целые планетные системы, осознающие себя как личность, светлые и темные пути космоплавателей, джунгли Земли-1, оставленной с открытием и освоением системы планет-Аналогов, и еще он говорил что-то про самого Гардона. Но у Рэда кружилась голова от слабости, он плохо понимал суть разговора и не был уверен, что не спит.

* * *

Когда Джой вошел в каюту бортинженера, Джеральд Стрэйк поставил перед ним стакан со словами:

– Кто не пил, тот продаст. Остальное – по самочувствию.

Отказываться, видимо, здесь было не принято. Джой неуверенно поднес стакан к губам и проглотил содержимое, не почувствовав вкуса.

– Ты в карты играешь?

– Не очень хорошо.

– Молодняк, – безнадежно вздохнул радист из-за стола, за которым азартно резались штурман, Эдвард и Стрэйк, отвлекшийся только чтобы угостить Джоя. Виктор, как истинный хозяин, пропадал в хозблоке своей каюты, организовывая закуски. Джой прошел к нему на «кухню».

– Привет, чем помочь?

Слова неожиданно обожгли горло. В груди обнаружился маленький теплый уголек, растекаясь, ручейками искр пронесся по сосудам, просочился в головной мозг и вытеснил оттуда огненного осьминога и мертвенно-бледное лицо Эдварда, распростертого на полу планетолета.

– Ничем. Садись. Картежника из тебя еще не сделали?

– Не дался.

– Кремень. Ну, хоть напоили?

– Ага, напоили.

– Скидай сюда бутерброды, – Блохин подвинул ему тарелку, – куришь?

– Нет.

– И правильно, а то будешь как Кейт – сигареты изо рта не выпускает. Да и Гардон в этом отношении тоже тот еще образец для подражания. Где он, кстати? Разгон тебе устроил? Эдварда-то мы с Сержем утащили.

– Нет, кое-что уточнил, – уклончиво ответил Джой. – Слушай... когда мы причалили, он в сознании был?

– Кто?

– Капитан.

– Да. А что, есть подозрения? – Виктор водрузил на стол огромный благоухающий пирог, извлеченный из типового молекулярного синтезатора.

– Ну ты талант! Я и не думал, что здесь так можно, – восхитился Джой, в восторге оглядев произведение кулинарного искусства. – Подозрений нет. Просто какой-то он сегодня... не такой, как всегда.

Джой старательно закрыл рот, опасаясь в расслабленном состоянии сболтнуть лишнего.

– Ерунда. Бывает с ним после перегрузок. Если приглядеться, Рэд всегда немного прихрамывает. Общеизвестный факт: когда-то из бластера попали. Ну-ка, открой бутылку.

У Джоя появилось ощущение, что бортинженер знает больше, чем хочет сказать. И он специально перевел разговор в другое русло. Джой не без труда выбрал самый безобидный из нескольких десятков вопросов, водивших в голове легкомысленные хороводы:

– А ты давно с ним знаком?

– До противности. Мы еще в Службе Спасения вместе работали под командованием доблестного командора Пайнтера. О, привет, легок на помине, – кивнул Виктор вошедшему капитану.

– Давай быстрее со своей кухней, – хмуро сказал Рэд. – Негодяи из Ассоциации решили оставить меня без ужина. Выслушав сообщение, они заявили, что через час я должен представить подробный отчет о случившемся в СКБ, дежурному по сектору. И Вейс туда же! Нотации мне читал о порядке взаимодействия со спасательным отрядом орбитального комплекса в случае чрезвычайных ситуаций. Я же еще и виноват оказался! Можно подумать, я этих тварей сам сюда привез. Как дела, Джой? – обернулся он к стажеру. – Кормят? Не обижают?

– Жаловаться не на что, капитан.

– Так. Это что у вас открыто, водка? – Рэд взял пустой стакан, наполнил на треть и выпил залпом.

– Нет, уксус, – буркнул Блохин, – оставь бутерброд! Они у меня сосчитаны.

– Жадина и склочник, – констатировал Гардон с набитым ртом. – Джой, пойдем. Надо кое-что обсудить, пока комсостав в здравом уме и твердой памяти.

Джой не имел права участвовать в облете неисследованных планет в качестве пилота. Гардон, доверявший ему управление малыми бортовыми звездолетами, действовал исключительно на свой страх и риск. Следовательно, любой несчастный случай со стажером грозил капитану как минимум строгим взысканием.

– Джери, – позвал Рэд.

– Что? – откликнулся Стрэйк, не отрывая взгляд от карточного веера.

– Через час рапорт в СКБ.

– И что?

– Отвлекись! Вот что.

Первый пилот поднял на него ясные глаза:

– Капитан, ради бога, не порть вечер. Скажешь, что я был с Геттом. Кейт подчистит запись и смоделирует голоса...

– Кейт?

– Опять! – вздохнул радист.

– Сделаешь? – уточнил Рэд.

– Да было бы что там делать, капитан... Стажер молчал почти всю дорогу – боялся слово сказать, ему же руки оторвать обещали. И связи не было. Эдвард проинструктирует Стрэйка насчет райских птичек. Он у нас по ним самый главный сегодня, да, Эдди? С тобой же Стрэйк был, верно?

Эдвард сцепил зубы так, что по щекам перекатились желваки, но смолчал и кивнул в знак согласия.

– Рэд, я лично объясню техникам, что врать на случай инспекции, – заявил Блохин, появившись на пороге с пирогом и бутербродами.

Карты не выдержали столь сильной конкуренции и были поспешно сметены со стола.

– Джой, все понял? На планетолете тебя не было. Ты в рубке сидел, – сказал Гардон.

– Да, сэр!

Капитан выпил еще, уже вместе со всеми, вместо закуски стрельнул у Кейта пару сигарет и направился к выходу.

– Эй, Рэд, – окликнул его Джери, – поесть забыл!

– Потом, – отмахнулся Гардон.

– Рэд, – поддержал Стрэйка штурман, – ты сейчас должен безупречно выглядеть и хорошо говорить, иначе все наши подлоги псу под хвост... Сам понимаешь.

– Наплевать! – отрезал капитан в дверях.

Створки сомкнулись.

– В поиске как-то три модуля угрохали, – негромко сказал Эдвард, обращаясь больше к Стрэйку, чем ко всем остальным, – он и глазом не моргнул. Отстегнул Дорварду, Лари с Новаком в госпиталь отправил с глаз долой – и все! – Эдвард взялся за бутылку. – Что это с ним? Как подменили!

– Ничего, – ответил Блохин, – выпится – разморозится. Ты спиртным не увлекайся, у тебя сегодня доза терапевтическая...

И у Джоя снова появилось ощущение, что Блохин лучше, чем кто-либо, понимает Гардона.

* * *

В отличие от капитана Виктор Блохин был баловнем судьбы от начала до конца. Его отец занимал довольно высокий пост в правительстве Аналога-2 и обеспечил сыну исключительно счастливое детство. Увлечения Виктора Евгеньевича не поддавались подсчету. По окончании школы он вдруг возжелал стать врачом. Вырвавшись из-под родительской опеки, гарантировавшей ему учебу в любом самом престижном вузе, Виктор сбежал с родной планеты на Аналог-3.

Пока семья пребывала в шоке, Виктор стал студентом медицинского факультета, бросил его, как только научился профессионально оказывать первую помощь, и чуть не женился на хорошенькой медсестричке. Медсестричка оказалась девочкой крученной, быстро разнюхала, кто родители ее избранника, и проходу ему не давала.

Тут-то Виктор и осознал, что не сможет отдать медицине весь свой творческий потенциал. Он вернулся на Аналог-2, поступил в Академию Космических Технологий и с успехом ее окончил без какой-либо поддержки со стороны родственников, не одобрявших выбор. А вот распределился в Службу Спасения все-таки по протекции. Родители сочли это меньшим

из зол, испугавшись, что их беспутевого сына манит романтика Дальней разведки. Отец контролировал назначение и пребывал в полной уверенности, что Блохин-младший останется в инженерной группе базы спасателей, а сын через месяц написал рапорт о переводе в летное звено. Пилотажной практики у него тогда не было никакой, зато имелся на руках диплом о неоконченном медицинском образовании, который сыграл решающую роль. Шеф подумал и согласился.

Гардону исполнилось к этому времени двадцать шесть лет, Виктору – двадцать четыре. Разница в их поведении, мировоззрении и опыте работы по специальности не поддавалась описанию. Блохин, балагур и умница, сразу же завоевал звание всеобщего любимца. Ироничный, немного замкнутый, а первое время – агрессивный, Рэд являл собой почти полную его противоположность. Когда командор Пайнтер поставил их в пару на недельный рейд по Бета-радиусу, никому в голову не могла прийти мысль о возможности дружеских отношений.

Однако в первую же ночь их призвала на помощь группа заблудившихся туристов, оказавшаяся на поверку бандой беглых преступников, которым понадобился звездолет. В Блохине было почти два метра роста, играла добрая сила, но убивать он не умел. И его космическая карьера наверняка бесславно закончилась бы в тот день, если бы Рэд не разрядил в главаря и его прихвостней бластер из НЗ. С остальными расправился подросевший патруль СКБ. После инцидента на Гардона нахлынули военные воспоминания, и Виктор трое суток нес вахту практически в одиночку, пока его недееспособный напарник валялся в каюте. Естественно, Пайнтер об этом алкогольном вираже не узнал, а в отношениях Виктора и Рэджинальда наметилось странное для командора потепление.

Конечно, Джой не мог знать этих подробностей. Но по мере того, как комсостав «Моники» превращался для него из полубогов в коллег, стажер стал лучше улавливать настроение команды в целом и капитана в частности.

Глава 3. Старые друзья

Гардону не повезло. Дежурный по сектору сотрудник Службы космической безопасности оказался его давним врагом и насчитал в действиях капитана умопомрачительно высокий коэффициент ошибок.

– Согласно уставу вам будет сделана соответствующая отметка в досье, капитан Гардон. Ваш корабль и экипаж подвергаются инспекционной проверке. Шеф-пилот АСП поставлен в известность, – смакуя сухие слова порицания, говорил он с экрана. – А если вы встретите инспекторов как в прошлый раз, то получите отпуск длиной не меньше года.

– Как раз в прошлый раз прием был блистательным. Стороны остались как нельзя более довольны друг другом, – возразил Рэд.

– Я тебя предупредил, Рэджинальд.

– Я понял.

– Не вздумайте снова спаивать членов комиссии! В этот раз они будут из СКБ.

– В таком случае волноваться не о чем. Чтобы спить этих архангелов, понадобится бассейн газированного спирта с коньячным фонтаном в центре. Ресурсов «Моники» не хватит.

– Прекрати юродствовать, Гардон! – зло оборвал его дежурный. – Рапорт принят и передан для дальнейшего рассмотрения полковнику Дэйву. До связи, капитан.

Экран погас, Рэд с наслаждением выругался вслух и отправился в командный отсек, но к изрядно подгулявшей части своей команды так и не присоединился.

На следующий день капитан устроил на «Монике» аврал, во время которого основной задачей Джоя и Эдварда было не попадаться ему под горячую руку. Джой счел за лучшее затеяться на технических уровнях, предложив свою помощь старшему технику Левису Белтсу. Тот окинул его пронизательным взглядом и усмехнулся в усы.

– А что, Джой, капитан Рэд у нас с похмелья злой как черт или в самом деле ожидается прибытие чинов?

– Кажется, намечается проверка. Я знаю не больше вашего, Левис.

– Ну-ну. Тогда иди в модульный сектор ангара. Работа найдется, да и Блохин где-то там шумел с полчаса назад.

Генеральная уборка продолжалась на «Монике» почти трое суток. За это время кадры с огненным монстром, захватившим кораблик в клубок щупалец, обошли все информканалы. Возле Файра стало не протолкнуться от звездолетов. Словно мотыльки на огонь, туда потянулись: начальство пилотов-орбитальников, эксперты планетарной разведки, разного рода комиссии с Аналога-3, которому принадлежала планета, ксенобиологи, представители СБ и стаи журналистов. На частных яхтах и арендованных судах прибыло несметное количество зевак, которых спецслужбы оттеснили на дальние орбиты, откуда они круглосуточно пялились в телескопы на поверхность планеты в надежде, что огненный вулканоид размером с луну вот-вот вынырнет из магмы на потеху публике, точно дрессированный дельфин.

На третьи сутки на борт «Моники» ступил сам шеф-пилот АСП Пол Дорвард в сопровождении куратора Ассоциации от СКБ полковника Артура Дэйва, доктора Излетинской, возглавлявшей медико-биологическую группу, и нескольких лейтенантов Службы безопасности.

– Капитан, вам надо разместить только трех человек. Остальные во главе со мной в дальнейшем отправятся на орбитальную базу командора Вейса и в десантный лагерь Файра, – сказал полковник Дэйв после краткого приветствия. – У меня сразу же вопрос: вашими табельными документами предусмотрено двадцать четыре человека...

– На борту работает стажер, господин полковник. В настоящее время он также является членом моего экипажа.

От того, как Гардон это сказал, у Джоя сладко засосало под ложечкой и возникло острое желание увидеть в составе комиссии инструктора летной подготовки, который чуть его не завалял на экзамене после второго курса.

– Стажера ко мне.

– Да, сэр.

После официальной части обстановка несколько разрядилась. Представители СКБ покинули мостик. Следом поплелся приунывший стажер.

– Мало мне других проблем, Рэджинальд, – вполголоса сказал Пол Дорвард, проводив их взглядом. – «Дух огня» – как его обозвали СМИ – «вырвался из недр планеты, чтобы сразиться со звездолетом АСП за территорию...» Как тебе такая подача?

Рэд пожал печами.

– О человеческих жизнях, принесенных в жертву ради освоения планеты, меня теперь спрашивают едва ли не чаще, чем о том, разумен ли он в человеческом понимании, – сообщил Дорвард.

– Нет, не разумен.

– Не вздумай сказать это кому-нибудь еще, пока не утихнет дискуссия на тему, имеет ли человечество моральное право подвергать Файр климатической трансформации с учетом обнаруженных форм жизни.

– Терраформирование Файра? Seriously?! Тогда о чем тут дискутировать... Тварь представляет угрозу для климатехников и колонистов и подлежит уничтожению.

– Объяснишь это экоактивистам, ксенозащитникам, контактерам и религиозным проповедникам, когда они до тебя доберутся. Советую заранее приготовить ответ на вопрос, зачем ты ее спровоцировал.

– Облет района осуществлялся по распоряжению Вейса, а не по моей инициативе, – сухо заметил Рэд. – Если бы он поручил это орбитальникам или группе планетарной разведки, еще неизвестно, какие потери мы бы сейчас подсчитывали. У одних грузовики с посадочных платформ валяются. У других все планеты необитаемы... Вам было бы что сказать о жертвах духа огня, Пол. И о том, зачем все они его спровоцировали. Не сомневайтесь!

– Рэджинальд, поработай над интонацией, – холодно посоветовал Дорвард. – Тебе скоро Дэйву отчитываться. И нам всем вместе с Вейсом предстоит разбор полетов, который самым тщательным образом будет изучаться в Департаменте космоплавания.

«Что тут изучать – поменяйте руководителя работ на Файре, пришлите сюда толковых планетологов, а командира планетарных разведчиков отправьте под арест за халатность!» – хотел сказать Рэд, но этого шеф ему уже не спустил бы. Да и с Вейсом было все не так однозначно. В конце концов, тот принял единственное разумное решение, начав прицельное исследование опасного района с воздуха, и поручил это самым высококвалифицированным пилотам из всех, что имелись в его распоряжении, – то есть самому Гардону и его экипажу.

– Виноват, господин командор. Больше не повторится.

– Надеюсь. Кстати, капитан, позволь представить, – Дорвард развернулся к женщине-медику, которая терпеливо дожидалась конца их короткого разговора. – Доктор Кира Излетинская, возглавляет медико-биологическую группу. Впрочем, кажется, вы знакомы?

– Так и есть, господин командор, – Излетинская подошла протянула Гардону руку, – некоторое время назад мы действительно встречались в центральном госпитале космопроходцев.

– Тем лучше, – подытожил Дорвард. – Обсуждение в рубке через сорок минут, Рэджинальд. Завтра с утра все участники инцидента в полном распоряжении доктора Излетинской, затем совещание у Вейса. А потом обсудим перспективы.

Шеф-пилот отошел, поздоровался со Стрэйком, и они о чем-то оживленно заговорили.

– Кира! – приглушенно воскликнул Рэд. – Я глазам не верю!

– Напрасно, – улыбнулась Излетинская. – Я пойду распаковывать вещи, а ты, капитан, заходи вечерком. Мы ведь лет пять не виделись, не меньше.

– Около того. Только, боюсь, террор в рубке при непосредственном участии СКБ растянется надолго. А правила приличия...

– Я только что наблюдала, как тщательно ты их соблюдаешь.

– Нет-нет, то была субординация! – горячо заверил Рэд. – С приличиями у меня полный порядок.

– Заходите в любое время, господин капитан, – сказала Кира. – До завтра мне все равно решительно нечем заняться, разве что поболтать со старыми друзьями.

* * *

Отделение многопрофильной клиники космопроходцев, куда Излетинская пришла работать по окончании института, считалось не самым престижным местом. Однако выбора у Киры тогда не было. Дочери исполнилось всего два года, а предложенные Излетинской в отделе трудоустройства вакансии предполагали частые выезды в различные филиалы клиники. Так что на первых порах пришлось довольствоваться ролью врача неспециализированного отделения и лечить всевозможный сброд, которому были не по карману профильные специалисты госпиталя. На дорогостоящее оборудование и разнообразие лекарственных препаратов рассчитывать также не приходилось.

Зато Кира повидала немало и существенно пополнила перечень практических навыков, которыми владела. Пациенты, зачастую не имевшие даже документов, удостоверяющих личность, не предъявляли претензий персоналу, довольствуясь предоставленным кровом и едой на период лечения.

Шагая к приемному отделению, Излетинская ломала голову над проблемой размещения больных в переполненном стационаре. Войны Второй волны существенно добавили врачам работы. Занятая своими мыслями, она чуть не столкнулась в дверях с реаниматологом Службы Спасения, неодобрительно взглянувшим на ее накрашенные ресницы и отглаженный сиреневый костюмчик.

– Добрый вечер, что везете?

– Потенциальный труп, – хмуро буркнул врач.

– Почему труп, можно подробнее?

– В документах подробности, читать надо. Я как пациентов взял на борт, так сразу и отправил. Для чего – непонятно. Все равно никто не читает!

Врач потер красные от бессонницы глаза и оглянулся в поисках потенциального любовника встретившей его куклы. Все знают, чем они там в отделениях занимаются! Даже документы на поступающих раненых просматривать не успевают. Но любовник все не шел, а Кира уже склонилась над носилками, врач шмыгнул носом и нехотя сказал:

– Этого по пути загрузили, патруль миротворческих сил передал. Там рядом Служба безопасности крутилась, их спросите, кто такой. Оранжерея какой-то. Несколько ранений различной степени тяжести. С кровопотерей. Сознания, разумеется, нет. Зато кроме черепно-мозговой травмы есть множественные переломы конечностей. Думали, не довезем. С филиалом связались, телеметрию передали – не берут. Остальных им сдал, а этого сказали к вам... Забирайте.

«Оранжереяниками» называли наемников, участвовавших в боевых действиях, и за соблюдением формальностей в отношении них строго следили.

Врач попрощался и вышел. Из перевязочной примчалась расторопная медсестричка Дана и в ожидании остановилась в дверях. Кира приоткрыла реанимационный саркофаг, посмотрела на тело, утопленное в гель, маску на лице, герметизирующую пленку на грудной

клетке, пластик регенератора, сковавший правую ногу до паха, и временные повязки, пропитанные кровью:

– К черту диагностику, Дана! Завози его прямо в операционную. И вызови мне доктора Кейси, он сегодня курирует нас от травматологии. Понадобится помощь. Оформи запрос в реанимацию и нейрохирургию. Может, на сей раз они над нами сжалятся и помогут.

Дальше события разворачивались стремительно.

– Кира Владимировна, реанимация не берет, но обещает прислать консультанта. Доктор Кейси сейчас спустится. Нейрохирурги... – помощница сделала паузу, – консультант будет на связи, как только освободится.

– Хорошо.

То есть все было совсем нехорошо. Кира посмотрела на багровую полосу гемостатика, которая тянулась к наружному углу глаза от рваной раны на виске, едва прикрытой сползшей повязкой.

– Кира Владимировна, СКБ сбросила данные. В местное подразделение СБ они сами сообщили. Это наемник, бежавший из Зоны-77 во время бунта.

– Еще что-то есть?

– Сейчас... Имя: Рэджинальд Гардон. Двадцать два года. Банка органов не имеет. Страховки нет.

– Что, собственно, и ожидалось, – пробормотала Кира и зябко повела плечами, определяя, с чего начать. – Дана, ты мне здесь нужна. Да не переодевайся уже!

Кибер-хирург развернул манипуляторы и замер в ожидании команды.

– Кира Владимировна! Давление не определяется...

– Вижу!

Включился автоматический реанимационный комплекс. И в этот момент на счастье Излетинской и Гардона в операционную, оживленно переговариваясь, вошли доктор Кейси и реаниматолог, который посмотрел в несчастные глаза девчонок, дежуривших в приемнике, смачно выругался, завел парню сердце, отрегулировал аппаратное дыхание и вообще провозился в богом проклятом отделении на целых пять минут дольше, чем планировал.

– Если не обеспечить ему хотя бы минимум наблюдения, не оживет, – сказал он на прощание. – Наш шеф ваших неплатежеспособных пациентов недолюбливает. Схему лечения я расписал, сами посмотрите, что из перечня у вас есть... Больше ничем помочь не могу.

Кира с Даной рассыпались в благодарностях.

– Зайду утром, – неуверенно произнес доктор Кейси, – если доживет, посмотрю, что можно будет сделать на базе вашего оперблока.

– Значит, я пока возьму его себе, – сказала Кира.

– У тебя же под завязку.

– Найду одно место. Инфекционный бокс пока свободен.

– Заведующая убьет тебя и правильно сделает. Перепрофилирование без ее ведома! Кира...

– Впереди два выходных, до понедельника ее не будет. Без мониторинга он до утра не доживет. Жалко мальчика и своих трудов, и...

– Кира! Я как раз хотел сказать, что всех не пережалеешь. И не забывай, мальчик из тюрьмы сбежал.

Излетинская посмотрела на Гардона, наполовину погруженного в изотоническую биоактивную среду, опутанного сетью регенерационных щупалец и полупрозрачных трубок, и горько улыбнулась. Выходные пролетят незаметно. Дочь она увидит хорошо если на несколько часов...

Рэд находился без сознания четверо суток. На пятое утро он услышал мелодичный и печальный серебряный звон, увидел рассеянный белый свет и туманный силуэт женщины и

подумал, что умер. Но звон трансформировался в голос, белый свет в лампу на потолке, и Рэд ощутил совершенно не потустороннюю боль при попытке вдохнуть поглубже. Женский силуэт оставался в центре меняющейся, по мере того как он приходил в себя, картины окружающего мира. Левый глаз по-прежнему видел только рассеянный свет.

– Доброе утро, – сказала ему Кира.

Тогда они и познакомились.

Спустя две недели Излетинская зашла к Гардону в палату и присела на край постели, не зная, как начать непростой разговор. Рэд сидел напротив в передвижном кресле.

– Рэджи, скажи мне, у тебя есть страховки, сбережения, ценные бумаги, недвижимость, которую можно заложить или продать?

– Зачем?

Излетинская вздохнула:

– Тебе необходима консультация нейрохирурга, операция по восстановлению зрения на левый глаз и серия операций на бедре и коленном суставе с использованием бионических имплантов. Если, конечно, ты хочешь смотреть на мир двумя глазами и ходить без костылей.

Рэд довольно долго молчал.

– Хочу, – сказал он. – Мне нужен терминал с выходом на банковскую сеть.

– Ничего не выйдет, – покачала головой Кира.

– Да нет же, – улыбнулся Рэд, – я не собираюсь грабить банк. Просто я вспомнил, что действительно могу снять деньги со счета.

– Такой терминал здесь есть только в зоне персонала. Им пользуются сотрудники... С учетом специфики отделения посторонним запрещено...

– Помоги мне, Кира, – глухо сказал Рэд.

В свое время отец сделал долгосрочный вклад на его имя. В семнадцать лет, порвав с прошлым, Рэд героически пообещал себе забыть о деньгах лорда Найвиса навсегда. Но слово «инвалидность», произнесенное Кирой, не оставило былому юношескому максимализму никаких шансов, и в тот же вечер врач с пациентом незаконно проникли в зону персонала.

– Я из-за тебя за решетку ужоу, – шепотом сказала Излетинская.

– Не страшно. Я знаю, как оттуда сбегает.

– Ну уж нет...

Почему Кира поверила тогда Гардону? Она так и не смогла ответить себе на этот вопрос.

Ни до, ни после у нее не складывались такие глубокие доверительные отношения с пациентами, переходящие в многолетнюю дружбу.

* * *

Джой собрал документы и ровно через пятнадцать минут появился на пороге гостевой каюты. Артур Дэйв сидел за столом.

– Господин полковник, стажер Ив прибыл по вашему приказу.

– Хорошо, Джой. Не возражаешь, если я буду называть тебя по имени?

– Нет, сэр.

– Присаживайся.

– Спасибо, сэр. – Джой присел на краешек кресла, на которое широким жестом указал ему Дэйв.

– Ну, расскажи мне, Джой, как ты оказался на корабле свободного поиска. Честно говоря, я не ожидал встретить стажера Высшей Школы Космолетчиков в такой глуши.

– На выпускной курс выдается пять разрешений, оставляющих за курсантами право выбора звездолета и радиуса удаленности. Я прошел по результатам тестирования. – Джой выложил на стол бумаги с личной подписью начальника ВШК.

– Я просмотрю, – Дэйв подвинул к себе документы, – но участвовать в облете неисследованных планет стажерам запрещено Кодексом Космоплавателей, единым для всех ведомств.

– В параграфе восемь, пункте пятнадцать, Кодекса написано, что я имею на это право в качестве наблюдателя. Самостоятельные рейсы у меня были только на дистанционно контролируемых модулях.

– Хм. Работать пилотом, даже вторым, намного интереснее. Это же твоя будущая специальность. Согласен?

У Джоя похолодели пальцы ног, затекла спина и вспотели ладони. Ему предстояло добровольно сделать самую большую глупость в жизни: наврать с три короба полковнику СКБ. И он разволновался. Предать Гардона, спасшего ему жизнь, и Стрэйка, взявшего его часть вины на себя, Джой не мог. Но волноваться-то он имел право!

– К сожалению, капитан Гардон не доверяет пилотаж человеку без опыта. Но даже посмотреть, как работают специалисты из его команды, для меня большая удача. Мне еще не приходилось встречать профессионалов такой высокой квалификации. У них есть чему поучиться. Кроме того, у меня были самостоятельные полеты на пилотируемых модулях на орбитальную базу и управление поверхностными модулями с борта звездолета...

– Достаточно! – Полковник подарил Джюю такой взгляд, что стажера бросило в жар. – Я понял тот объем работ, который ты обычно выполнял здесь. Чем ты занимался в день происшествия, Джой?

– Я был в рубке «Моники», сэр.

– Ты не пошел наблюдателем в такой интересный заход?

– Я мечтал об этом, сэр! Но капитан и первый пилот Стрэйк даже слушать меня не стали. Район полукольцевых гор считался здесь самым опасным, и, как выяснилось, не без оснований.

– Что было потом? – быстро спросил Дэйв.

– Обсуждение случившегося, господин полковник, – честно ответил Джой, не вдаваясь в подробности, – жаль только, что капитан Гардон почти не принимал участия в разговоре. Он как раз готовил рапорт в СКБ.

Артур Дэйв давно понял, что стажер будет отвечать только так, как его научили, но формально придаться было не к чему. Он задал еще несколько вопросов, не имевших решающего значения, и отпустил парня.

На мостике ситуацию разбирали более подробно. Гардон не умел и не хотел оправдываться. Дорвард постарался несколько смягчить его слова, но своего капитана однозначно поддержал. Дэйв решил придаться к Стрэйку и Эдварду, но те дружно списали все на гипноз, и кроме красочного описания галлюцинаций полковник ничего от них не добился. Экипаж «Моники» был совершенно чист перед СКБ. Хотя некоторые нарушения техники безопасности полетов и потерю планетолета капитану все-таки поставили на вид.

Было уже около полуночи по корабельному стандарту, когда Гардон пришел к Излетинской.

– Можно? Приглашение еще в силе? – спросил он на пороге.

– Конечно, Рэд. Заходи, расскажу тебе кое-что интересное на сон грядущий.

Он прошел в каюту.

– Поверить не могу... Кира, солнышко, как тебя сюда занесло?

– Пол Дорвард пригласил поработать во благо АСП. Садись. Сейчас, конечно, курить будешь, отрываясь за те часы, что провел рядом с полковником Дэйвом в образе благонравном и законопослушном?

– Еще одно упоминание его имени сегодня я не перенесу, – сказал Рэд, уселся, расстегнул форменную куртку и достал пачку сигарет из внутреннего кармана.

– Все так плохо?

– Нет. Просто он никак не хотел понять, что если бы я мог совершить нечто более выдающееся, я бы так и сделал.

Кира, сидевшая за компьютером, развернула лепестки экрана.

– Если бы не вы, огненных осьминогов на этой планете могло стать больше... Читай! Это первый отчет биологической группы с поверхности Файра. А я накрою на стол. Будем пить кофе как в старые добрые времена.

Прочитав отчет, Рэд расхохотался.

– Так эти твари... – он запнулся, подбирая достойный эквивалент слову, вертевшемуся на языке.

– Ты правильно понял, – подсказала Излетинская, – у них была первая брачная ночь.

– День! Какая наглость, трахаться среди бела дня на виду у всей экспедиции!

– Дело отнюдь не во времени суток. Вы помешали интимной близости инопланетных форм жизни, бестактно запустив в них зондом. Спариваются они не чаще, чем раз в несколько десятков лет, и наверняка находят это мероприятие приятным и заслуживающим уважения со стороны пришельцев.

– А с оранжевыми щупальцами был мальчик или девочка? – вкрадчиво спросил Гардон.

– Похоже, девочка, которой ты изрядно подпортил внешний вид путем отрывания частей тела.

– Не-ет, драгоценная Кира Владимировна, не надо с больной головы на здоровую! – запротестовал Рэд. – Она сама виновата: или любовь, или обед. Хотела нас сожрать, да еще и удовольствие получить. Ей не слишком было бы?

Кира рассмеялась.

– Что, не согласна?

– Согласна.

– А галлюцинации? – поинтересовался капитан.

– Не знаю, Рэд. Это же предварительные данные – самое начало работы. – Излетинская разливала кофе. – Лучше расскажи, что у вас происходило на мостике.

– В общем, ничего особенного. Дэйв ворчал, пытал стажера и придирился к мелочам. В конце концов сказал, что принципиальных ошибок в действиях экипажа не нашел. И если медики не будут иметь претензий к участникам инцидента, его можно считать исчерпанным.

– А ты как думаешь, медики будут их иметь?

– Я не врач, – отрезал Рэд.

– Разве я сказала «коллега»?

– Это уже допрос или можно не отвечать, учитывая дружеский тон беседы?

Кира поставила перед капитаном чашечку с кофе, чуть развернула стол, придав ему овальную форму, и уселась в кресло напротив. Рэд затушил сигарету.

– За последние несколько лет я составила тебе три липовых заключения о допуске к работам в пространстве, капитан, и думаю, что тем самым заслужила право задать несколько вопросов.

Излетинская вскинула на него глаза. Едва притронувшись к кофе, Рэд поставил чашку на блюдце и отодвинул подальше.

– Да. Конечно. Я тебе очень признателен. Просто мне не нравится этот разговор...

– А мне не нравится, как ты все время прижимаешь руку к виску. И как ты приволакиваешь ногу при ходьбе. И еще как ты неадекватно реагируешь на совершенно безобидные вопросы, мне тоже не нравится! Когда мы виделись в последний раз, ничего этого не было.

Гардон демонстративно убрал руку от виска, вытряхнул из пачки вторую сигарету и подался вперед.

– Когда мы с тобой виделись в последний раз, я был в отпуске! А не болтался в клубке щупалец с двумя салагами на борту.

Кира взяла паузу и помахала рукой в воздухе, разгоняя то ли сигаретный дым, то ли повисшее в каюте напряжение:

– Не буду лукавить, я ожидала твоей негативной реакции и подготовилась заранее, – с этими словами она поставила на стол небольшую бутылку коньяка. – Думаю, после употребления данного средства мой профессиональный взгляд немножко замылится, а твой язык немножко развяжется.

– Ну, Кира... – ахнул Рэд. – Вот хотел же я прийти к тебе в гости не с пустыми руками! Но не рискнул.

– А я рискнула.

– Не знаю, что и сказать. Может, закуришь?

– Я?!

– Но ведь застал же я вас как-то с сигаретой в зубах посреди ординаторской, доктор.

– Я тогда с мужем разводилась. А тебе надо было меньше шляться по отделению по ночам и не врываться без стука. Видишь, я сделала, что могла. Выкладывай. Судя по тому, как давно мы не виделись, и твоему безобразному поведению у меня есть все основания предполагать, что дела идут не лучшим образом.

Все-таки это был допрос. Привилегированный, тщательно обставленный, скорее всего проводившийся с величайшего соизволения шеф-пилота АСП, если не по его прямому распоряжению. Но так или иначе разговор бы все равно состоялся. Лучше пусть так – с Кирой в роли главного экзекутора и с глазу на глаз. Милость руководства не знала границ.

– Хорошо, – сдался Рэд, разливая коньяк. – Твой последний аргумент оказался очень убедительным. Последние полгода, может, чуть больше... со мной действительно что-то происходит. Стареем, как говорит Блохин. – Капитан усмехнулся.

– Тебе тридцать восемь лет, Рэджи. О какой старости тут может идти речь?

– Тогда я скажу, что устал. По ночам мне начал сниться всякий бред. Файр достал меня своими световыми фонтанами. Вейс – своими распоряжениями. Неделю назад монтажники сорвались с консоли, ловили их по всему космосу. Только что Стрэйк чуть не погиб из-за небрежности наземных служб, я еще и за него отпахал. Какой вывод напрашивается для руководителя экспедиции? Люди измотались. Так ты дай передохнуть, а не выслуживайся перед начальством за чужой счет. На кой черт эта планета вообще Департаменту сдалась!

Кира предостерегающе поднесла палец к губам. Рэд плеснул себе еще коньяка, разом ополовинив сувенирную по меркам «Моники» бутылку. Он безусловно понял намек, но все равно закончил мысль вслух и даже с некоторым вызовом в голосе, адресованным потенциальному наблюдателю:

– Деньги отмывать и технику списывать можно в менее экстремальных условиях. И тут еще ребята вляпались так, что пришлось угрожать оборудование стоимостью в несколько миллионов. А потом целый вечер объяснять СКБ, что я не имел целью получить страховку и вообще не развлекался, превышая скорости, заложенные в технических характеристиках моих кораблей.

– Я так и думала, что здесь без стажера не обошлось.

Излетинская чувствовала, как тяжело Гардону говорить. Он относился к той категории людей, чьи слабости окружающим видеть не дано. Кира решила дать ему передышку, переменяя тему. Рэд купился.

– Все так думают, но мальчишка не при чем, уж поверь мне, – проворчал капитан, – даже если бы на его месте действительно был Стрэйк, ситуация все равно вышла бы из-под контроля. Кто знает, может, именно благодаря стажеру Эдвард Гетт остался в живых. Парнишка хорошо держался. Но ты хотела поговорить обо мне. А я... Меня все это окончательно из колеи выбило. Думал, что не вылезу из катера без посторонней помощи.

– Перегрузки, – подсказала Излетинская скорее утвердительно.

– И это тоже...

– Сколько, Рэд?

– Я не смотрел, если надо, могу телеметрию поднять. Компенсаторы катера сорвало...

Мне хватило.

– Ты галлюцинировал?

– Нет. По крайней мере, ничего такого, о чем говорит Эдвард. Я в воспоминаниях утонул под конец. Яркие были, как детские комиксы, я пульт почти не видел... На автопилоте причаливал. Кажется, все-таки отключился ненадолго, не помню, как в шлюз заходил.

Гардон поставил бокал так, что содержимое чуть не расплескалось, и в нем заиграли блики.

– Все! Хватит. Кира, я не хочу больше говорить об этом. Или доставай свой чек-лист и пошли в медотсек.

– Успокойся, Рэджи. Больше и не надо. У тебя синдром хронической усталости, на который наложились – чего греха таить – физические последствия тяжелых травм, полученных много лет назад.

– Одним словом, тестирование, если таковое состоится, я точно не пройду. Узнала, что хотела?

– Рэд, ты похож на дикобраза, – сказала Кира. – Надо же, насколько не изменился!

Он невесело улыбнулся.

– А вы похорошели, Кира Владимировна. И даже если вы меня завтра комиссуете, я не смогу этого не признать.

– Ах, какая грубая лесть! – сказала Излетинская и улыбнулась в ответ. – Если бы я хотела тебя комиссовать, Рэджи, я бы не вела сейчас душераздирающие беседы. Мне надо знать исходную позицию, чтобы заключение, которое я тебе выдам, устроило Дэйва и Дорварда. Но взамен ты мне кое-что пообещаешь.

– Что же?

– Плановую госпитализацию в ближайший отпуск. Показания налицо. Согласия на все обследования и манипуляции ты подписываешь на пороге клиники.

– В госпиталь – ни за что! – уперся Рэд.

– Ты еще споришь! – возмутилась Кира. Она побарабанила пальцами по столу. – Хорошо. Сойдемся на санаторном комплексе? Правила игры остаются прежними: ты все подписываешь и сидишь там не меньше месяца. Это мое последнее слово.

– Никто меня так надолго не отпустит. Это в отчетах у нас отпуск по шестьдесят дней...

– Дорварда я возьму на себя, не беспокойся. Ну что, идет?

– Идет, – нехотя произнес капитан и снова взялся за бутылку с коньяком, некоторое время остававшуюся без внимания.

Излетинская чуть-чуть подвинула в его сторону пустой бокал.

– Знаешь, моя Катька увлеклась альпинизмом...

– Прекрасный спорт, – одобрил Рэд, – как поживает профессор Кейси?

– Нет, вам, толстокожим, никогда матерей не понять! Фу, помещение продымил, всю душу измотал. Бес попытал меня взять то дежурство.

Гардон улыбнулся, на этот раз совершенно искренне:

– У нас прекрасно работает вентиляция. Ну что, мы можем считать, что самая неприятная часть разговора осталась позади?

– Знаешь, Рэд... Впрочем, нет, это подождет до отпуска... Расскажи мне что-нибудь космическое.

На следующий день полковник Дэйв убрался с «Моники» на орбитальную базу, с чем Гардон мысленно поздравил командора Вейса. Остались Излетинская, которая должна была

дать заключение, и Дорвард – для решения вопроса о переоснащении звездолета и дальнейших перспективах.

Правил в АСП было немного, но соблюдались они неукоснительно. Согласно регламенту четыре месяца в году экипаж был обязан работать на Департамент космоплавания, полгода отводилось на собственно свободный поиск и два месяца на отпуск. Из суммы полугодового заработка львиная доля отчислялась в фонд АСП. Существовала также система скидок и штрафов и пристальный контроль со стороны СКБ за законностью сделок.

Ассоциация Свободного Поиска переживала не худшие времена. Статус транснациональной корпорации позволял ее капитанам братья за любую работу, не оглядываясь на политическую принадлежность заказчиков. Регистрация организации на Аналоге-2 еще больше упрочила позиции. После войн Второй волны, которую, по сути, Аналог-2 выиграл в колониальных территориях, Аналог-1 вынужденно уменьшил свои аппетиты и амбиции. Аналог-3 во время войны старательно соблюдал нейтралитет, а после нее – предельную лояльность к политике победителя. Сепаратизм временно вышел из моды, и все три метрополии, по крайней мере на словах, демонстрировали готовность работать в космосе дружной общей командой.

Сдвинулось с мертвой точки даже создание объединенных ВКС планет-Аналогов, призванных по замыслу авторов проекта охранять спокойный сон граждан метрополий на случай новых беспорядков в пространстве: во время войн Второй волны боевые действия едва не перекинулись на центральные планеты. Несколько терактов и кровопролитных стычек на границах Альфа-радиуса хватило, чтобы убедить даже самых ярых противников военного сотрудничества. Первые подразделения появились еще до прекращения боевых действий, официального примирения сторон и подписания грабительских мирных договоров после восьми лет противостояния.

Граждане метрополий и колоний вздохнули с облегчением, убедившись, что конфликт исчерпал себя, не достигнув масштабов Третьей звездной войны, и ринулись налаживать мирную жизнь к великой радости транспортных компаний, вновь получивших возможность относительно безопасного передвижения. И АСП тут была вне конкуренции.

Что касается капитана Гардона, то он весь предыдущий отпуск провел между базой АСП и судостроительными верфями. Пол Дорвард решил обновить парк, АСП приобретала два новых звездолета. Пока утверждались их экипажи, Рэд почти два месяца работал одновременно пилотом-испытателем и представителем организации, в перерывах катая шефа по любовницам на новеньких бортовых звездолетах.

На сей раз Дорвард отпускал «Монику» на более короткий срок, так как звездолет с опозданием пришел на базу из предыдущего поиска, проигнорировав предупреждение администрации.

К удивлению шеф-пилота АСП Гардон, находившийся под впечатлением ночного разговора, был выдержан по отношению к Вейсу, подчеркнуто лаконичен в объяснениях с полковником Дэйвом и не пытался спорить с тем, что Дорвард сократил «Монике» сроки свободного поиска. Они как раз успели оговорить все условия, когда выяснилось, что Излетинская все-таки нашла себе жертву. Ею оказался Эдвард Гетт. Капитан запротестовал, но получил в ответ набор терминов, произнесенных ледяным тоном. Рэд догадывался, что хотела сказать ему Кира: «В любом случае ты абсолютно надежен. А он? Я не знаю».

«Я тоже», – подумал Гардон и отступился.

Излетинская не могла дважды рисковать репутацией. Эдвард чуть не умер, когда Дорвард приказал ему покинуть борт МНК-17 и вернуться на корабле СКБ на базу.

– Тебе нужен второй пилот, Рэджинальд? – спросил Пол Дорвард. – Обследование может затянуться.

– Кажется, у меня есть второй пилот, – улыбнулся Рэд.

– Я начинаю понимать, почему мальчишка так на тебя смотрит.

- Вам это ничего не напоминает, сэр?
- Дорвард отрицательно покачал головой.
- Весьма отдаленно. Ты был совсем другим.

* * *

Однажды Пол Дорвард, будучи уже шеф-пилотом АСП, попал в небольшую заварушку, и его, как значительную фигуру в сфере космоплавания, устроили в госпитальный люкс. Нельзя сказать, что командор был несказанно счастлив, но выпавший шанс отдохнуть решил использовать. Ранним утром он вышел из корпуса, прогулялся по территории и направился к бассейну.

Увы, в бассейне уже кто-то был. Шумно и медленно пловец одолел последние метры дистанции и схватился за лесенку, как утопающий за соломинку. Только когда парень выбрался из воды, Пол увидел, что правая нога у него находится в замысловатой реабилитационной шине. На следующее утро командор вышел пораньше. Столкнувшись на краю бассейна не с кем-нибудь, а с самим Полом Дорвардом, Рэд улыбнулся:

- Доброе утро, господин командор.
- Привет. Где это ты разглядел мое звание? На халате его вышить пока не догадались.
- Вас знает любой человек, хоть немного связанный с космосом, командор Дорвард!
- Приятно слышать. С кем имею честь беседовать?
- Рэджинальд Гардон, сэр.
- А связь с космосом?
- Пилот-истребитель штурмовой бригады «Атака», – отчеканил Рэд.

Пол Дорвард окинул его взглядом. Рост под сто восемьдесят, отлично сложен. Черные, слегка выющиеся волосы и серые глаза – удачное сочетание. На грудной клетке послеоперационный шрам. На виске – еще один. Очень тонкий и еще розовый от пластики, он почти захватывал угол левого глаза.

– Та-ак, – удивленно протянул Дорвард, – насколько я знаю, бригада формировалась из наемников и в настоящее время вышел приказ об ее роспуске.

- Да, сэр.
- Разве вы базировались на Аналоге-два?
- Нет, сэр.
- Тогда я не понимаю...
- Хотите знать, что делает «оранжерея» в элитном госпитальном блоке? – сощурился Гардон.

- Угадал, пилот.
- Это длинная история, господин командор.

Рэд хотел развернуться и уйти. Он уже сталкивался с пренебрежительным отношением и предполагал стандартное завершение разговора. Но ошибся.

- Ты куда-то торопишься? – почти дружески спросил Пол Дорвард.
- Нет, сэр.

– Я тоже не спешу. И я очень люблю длинные истории. Обычно, мне не хватает на них времени.

- Я неважный рассказчик, – заартачился Рэд.
- Тогда пойдем купаться, Рэджинальд. Ты же для этого сюда пришел.

В конце концов Дорвард сумел расположить к себе нового знакомого и узнать кое-какие факты из его биографии. Удовлетворив свое возросшее любопытство параллельным запросом в СКБ, Пол Дорвард оценил полученную информацию и провел в раздумьях целый вечер. Вывод напрашивался сам собой: если парня не пристроить на работу в космосе сейчас, со временем из него получится капитан пиратского крейсера, за которым СКБ будет без-

успешно гоняться не один год. Кроме того, командор не мог не признать, что испытывает к Гардону некоторую личную симпатию. Он решил для начала поговорить кое с кем из ректората «Вышки». Рэд, единственной виной которого был побег с Зоны-77, попадал под амнистию, объявленную в честь окончания боевых действий, и с его опытом вполне мог претендовать на диплом пилота ВШК. Тем более что, согласно заключению медиков, дорога в военный космолет Аналога-2 была для него закрыта.

Таким образом, в судьбе Гардона произошел счастливый поворот, и он по выздоровлении превратился в официального протеже шеф-пилота АСП. Когда с формальностями было покончено, Дорвард пристроил Гардона в Службу Спасения, решив для начала понаблюдать за его карьерой со стороны. И только убедившись в верности своих предположений, командор предложил ему работу в Ассоциации.

Глава 4. Свободный поиск

Перед тем как покинуть борт, Дорвард пообещал известить экипаж о времени выхода в поиск и пригрозил штрафом в случае еще одного разбирательства с участием СКБ. После его ухода Блохин первым подал голос:

– Эй, Джой! С тебя три бутылки, – сказал он с самым серьезным видом.

– Три-то за что?!

– Первая – за поруганную любовь осьминожки и осьминога. Вторая – за то, что Дэйв не заметил подлога. Ну а третья – за место второго пилота. И знай, это по-божески! Будь я командиром экипажа, я бы моральный ущерб в счет включил.

– Что?

Джою показалось, что он ослышался. Стажер растерянно обернулся к капитану.

– Джой, я могу поставить тебя вторым на время отсутствия Эдварда. Временно. Если согласен, зайди ко мне как-нибудь со своими документами. Их даже Дэйв уже проштудировал, а я еще и не видел.

– Да, сэр!

Джою показалось, что сейчас он должен проснуться. Кейт что-то сказал, Блохин и Серж расхохотались, но стажер еще несколько минут не мог включиться в общий разговор.

– ...снимет нас с орбиты через две недели, – говорил тем временем капитан, – можно начинать думать, чем займемся.

– Хотя чем! – с чувством сказал Серж, который измаялся больше всех. Штурману корабля, болтающегося на орбите, даже Гардон не мог придумать работу по специальности. А пилотаж Серж откровенно недолюбливал.

Дорвард сдержал обещание и через десять дней связался с Гардоном, объявив о завершении блока работ на Департамент. На прощание Рэд взял управление, проделал головокружительный пируэт вокруг орбитального комплекса, и «Моника», набирая скорость, ушла с орбиты.

– Вроде не вчера родился, – заметил Стрэйк, который был старше всех в команде. Виктор пробурчал что-то о насилии над бортовыми системами и объявил, что, если программа разведения объектов снова зависнет, он принципиально не будет ее реанимировать. Рэд только сдержанно улыбнулся в ответ.

Как-то раз Джой оказался в кают-компании техперсонала, когда там зашел разговор о профессиональных рейтингах капитанов гражданского космофлота. Независимый социологический центр публиковал их раз в квартал. Каждая публикация «Топ-100» сопровождалась бурными спорами и большими денежными ставками. Во втором полугодии Гардон откатился с девятого места на четырнадцатое, что привело его команду в состояние легкого уныния. «Не, ребята, мы не то что в тройку, как «Таро», мы так и в пятерку никогда не попадем», – разочарованно сказал кто-то из парней.

Старший техник Левис Белтс придержал Джоя за рукав, пригладил усы и очень тихо произнес: «На самом деле мы уже давно всех обставили, малыш. А почему Гардона в официальных рейтингах в тройку не пропускают, я тебе объяснять не буду. Сам поймешь со временем. Ты парень смысленный. Не зря тебя старпом любит».

– Никогда так не делай, – сказал Рэд стажеру, выведя его из состояния задумчивости. – Джери, отдай ему управление. Пусть упражняется, пока все спокойно.

– Джой, слышал, что капитан сказал? Переводи маршевые на себя. С виртуальным контролем только не балуйся – глаза разбегутся. Иди по обзорникам.

Джой выполнил распоряжение и тяжело вздохнул. Он уже усвоил, что для Стрэйка правила писаны, чтобы их соблюдать, а для Гардона – чтобы им никогда не следовать. Под-

строиться под стиль кораблевождения того и другого ему постепенно удалось. А вот как быть, когда они оба на него смотрят? Оказывается, бывают в жизни стажера ситуации, когда сидеть за штурвалом совсем не хочется. Даже если это штурвал сверхскоростного облегченного транспортника, которых на весь гражданский космофлот едва ли штук пять наберется. Такие машинки в разных модификациях обычно делаются под заказ, и водят их потом чьи-то личные пилоты.

На счастье Джоя, штурман снизошел до синхронной коррекции курса на обычном маршевом участке, и оба матерых пилота «Моники» перестали обращать на них внимание.

«Должен будешь», – сказал Серж в индивидуальный коммуникатор перед началом практического занятия по астронавигации. Вслух он несколько раз громко обозвал стажера двоечником, поинтересовался, чему его на летном факультете учили четыре с лишним года и для чего им на борту второй пилот, который понятия не имеет о позиционировании. Курс астронавигации Джой сдал на отлично в конце третьего года обучения. Но он был так благодарен Сержу, что согласился бы собственноручно исправить оценку в ведомости на неуд, лишь бы тот не бросил его в трудный момент.

Стрэйк с Гардоном бездельничали и лениво препирались, выбирая стоящие контракты из вороха высыпавшихся на них предложений. Отношения у первого пилота с капитаном складывались непросто. Прошрое накладывало свой отпечаток: во время войн Второй волны они воевали в разных лагерях. Рэд сражался за идею, Стрэйк – с самого начала только за деньги. Со стартом военных операций в колониальных территориях транспортная компания Аналога-1, где работал Джери, разорилась. И Стрэйк остался без работы с беременной женой и маленьким сыном на руках. Сколько мог, он перебивался случайными заработками, пока не наткнулся на вербовщика и не пересел на истребитель. Однако у Джеральда Стрэйка хватило здравомыслия вовремя выйти из игры.

Когда Гардон пришел в спасательное подразделение, Стрэйк отказывался верить, что бывший наемник смог составить ему конкуренцию. Стрэйк по праву считался одним из лучших пилотов космофлота, и у Гардона по сравнению с ним имелось только одно преимущество. Он мог позволить себе в решающий момент поступать вопреки требованиям инструкций, полагаясь лишь на свою потрясающую интуицию и не прислушиваясь к советам и приказам, от кого бы они ни исходили. В таких ситуациях люди смотрели на него затаив дыхание, ему не решались вставать поперек дороги, и он в девяноста девяти случаях из ста оправдывал ожидания, в то время как Джери говорил что-то вроде: «Ничего, ребятки, спокойно. Не спешите, у нас еще резерв мощности в запасе», – после чего экипаж обретал второе дыхание.

Одним словом, Стрэйк с его опытом, личными качествами, умением организовать работу и вести документацию согласно всем требованиям Департамента космоплавания был незаменим в качестве помощника капитана. Когда ему предложили место на МНК-17, он отказался категорически, будучи твердо уверен, что никогда не сработается с Гардоном.

– Мы развалим любой самый лучший экипаж, оказавшись на одном корабле! – сказал он Дорварду. – Не понимаю, почему вы делаете ставку на него, Пол, и при чем тут я.

– Рэджинальд сам предложил твою кандидатуру. Он не хочет больше ни о ком слышать, а капитан, как ты знаешь, имеет приоритетное право голоса при подборе команды.

– Да он терпеть меня не может!

– Речь идет о профессиональных качествах, а не о любви. Значит, ты ему нужен.

– Вот пусть он мне сам и обрисует перспективы нашего сосуществования. Раз я ему так нужен.

В тот же вечер Гардон заявился к Стрэйку домой. У них состоялся довольно жесткий разговор, к концу которого Джери позволил себя уговорить, не сомневаясь, что не задержится на «Монике» надолго. После бесчисленного количества мелких стычек и нескольких крупных

скандалов капитан и первый пилот МНК-17 пришли к выводу, что им есть за что уважать друг друга, и на борту звездолета воцарился мир.

Пока «Моника» бороздила просторы Бета-радиуса удаленности, Джой постепенно освоился в роли второго пилота. Его все чаще стали оставлять на мостике, доверяя контрольное пилотирование. Сначала – только если в тройке дежурных техников на вахту заступали Белтс или Фишер. А потом – и с менее опытной бригадой. Первым его оставил на вахте одного капитан.

Ни с того ни с сего, без всякой предварительной подготовки вызвал вечером в рубку, долго пристально смотрел, пока Джой не начал ерзать под его взглядом и мысленно перебирать все свои грехи, и сказал:

– Вот что, Джой. Сегодня твоя первая вахта с этой секунды – и пока я тебя не сменю. Подключайся на контрольное пилотирование. Четыре простых правила: глючит бортовой компьютер – будишь Виктора. Локаторы, ориентация, связь – Кейта. Если нет курсовой устойчивости – Сержа. Во всех остальных случаях – меня или Стрэйка. Но если хоть одного из нас ты поднимешь зря... Я даже предположить не рискну, как именно и в каких позах тебя пролюбят. Короче, в этом и заключается великое искусство вахтенного офицера: сохранить в целостности звездолет и собственную задницу. Дерзай. Я приду, не бойся.

И ушел.

Три часа его отсутствия стоили трех лет учебы в космошколе. На следующий день притихший Джой попросил у Стрэйка полную версию руководства по эксплуатации МНК-17 и неделю лазил с ней вечерами по техническим уровням. Джери удивлялся внезапному рвению к изучению матчасти, Гардон пожимал плечами, а со следующего месяца включил Джоя в расписание вахт. На первое время – с дублером.

Джой уже дважды швартовал «Монику» к вакуумным причалам под присмотром Стрэйка и был совершенно счастлив. Не хватало стажеру только ярких событий. Преподаватели «Вышки» столько раз повторяли курсантам, что искателям приключений в гражданском космофлоте не место, что те поневоле начинали верить в обратное. Джой страстно желал собрать коллекцию эпизодов, подобных встрече с монстром на Файре. Рутинная работа по доставке грузов и пассажиров для нее не годилась. Джой замечтался по пути в рубку и едва успел просмыгнуть на место перед капитаном.

– Говори, – буркнул Рэд бортинженеру вместо приветствия.

– Сэр, об этом контракте вы мечтали всю жизнь! По крайней мере, мне так кажется.

– Опять!

– Но капитан...

– Отставить. Это приказ.

Джери, Фил и Серж заухмылялись. О поразительной способности бортинженера связываться с нечистыми на руку компаньонами среди техников «Моники» легенды ходили!

– Э, вы чего? Рэд, послушай хотя бы!

– Пусть поговорит, – лениво бросил Джери.

– Что на сей раз? – сжалился Гардон.

– Дракончики! – не без гордости произнес Блохин.

– Виктор, мы умрем в один день. Кажется, я даже знаю дату...

Бортинженер помрачнел. Гардон прошел к пульту и убедился, что поступления грузов на «Монику» за ночь не зарегистрировано.

– Так, – сказал он, смягчившись. – У тебя есть две минуты, чтобы урезонить команду и изложить суть дела.

Блохин молча включил запись переговоров своей вахты.

«Внимание! – зазвучал женский голос. – Говорит служба оповещения. С ретрансляционного бую 7131 получено сообщение о тотальных пожарах в южном полушарии на планете Джунглей».

Команда, наконец, перестала веселиться.

– Вызови Белтса на мостик, – вполголоса попросил Стрэйк Джоя. – Пусть послушает.

«...Население эвакуировано спасательными службами. Корпорация “Биос” несет убытки из-за потери декоративных дракончиков, принадлежащих самым престижным зоопаркам и богатым домам планет-Аналогов. Если кто-либо решится спасти животных и репутацию компании, просьба обращаться к ее представителю на частоте службы оповещения. Вознаграждение гарантируется».

– Ну, и что скажете? – спросил Рэд, когда отзвучало сообщение.

– Виктор, ты с ума сошел. Лезть в лесной пожар на планете Джунглей? Одно название чего стоит! – сказал Кейт.

– А я бы не прочь посмотреть, как Блохин героически спасает дракончиков, – возразил Серж. – Просвети, где ты будешь их искать. Полушарие – понятие растяжимое.

– Я связывался с представителями компании. Вот координаты звероферм, где их разводили. Болотистая местность, дельты между реками. Огонь туда, согласно сводке спасателей, в пять тридцать еще не добрался.

– Вот! Еще и болото.

Кейту затея не нравилась.

– Лететь туда около трех часов... – прикинул Рэд. – Серж?

– Четыре часа на крейсерской скорости, – подтвердил штурман, – кое-кто старательно менял ночью курс.

– Спасатели ушли оттуда переполненные людьми, – заметил Блохин, проигнорировав замечание, – им было не до дракончиков. Может, одного-двух прихватили, чтоб перекупщикам спихнуть, но не сотню! То же самое можно сказать о персонале. Детенышей похватили за пазуху и бежать.

– Пожалуй, я бы полетел, – задумчиво сказал Рэд.

– Только учти, капитан, что потерю еще одного планетолета Дорвард нам не простит, – предупредил Джери, дав тем самым свое согласие.

– Джой, а ты что скажешь? – обернулся Рэд к стажеру.

Тот улыбнулся:

– Я за дракончиков.

– Р-романтики, чтоб вас! – проворчал Кейт. – Как дети, честное слово. Нашли кого слушать, Виктора со стажером!

– Брось, Кейт, – примирительно произнес Серж, – мы с тобой будем сидеть на орбите и посмеиваться над Блохиным. Чем не жизнь? Я лично на поверхность не полезу. Учтешь пожелание, капитан?

– По обстоятельствам.

– Не понимаю я этого, – пожал плечами Стрэйк, – за что такие деньги?

– За много сотен лет людям поднадоели кошки, собаки и лошади, – объяснил Серж.

– А также морские свинки, петушиные бои, тараканы бега, пираньи в аквариумах и крокодилы в ваннах?

– Виктор, уймись, – оборвал Гардон оживившегося бортинженера, – как ты представляешь сам процесс отлова декоративных животных в горящих джунглях на болотах?

– «Биос» предоставляет запись звуковых сигналов в качестве приманки. К тому же животные должны находиться в вольерах.

– Нормально, – буркнул радист, – еще и по клеткам лазить! Одумались бы вы, пока не поздно, зоофилы.

– Ты груб и неотесан, Кейт, – ответил Блохин, – никто не собирается лазить по клеткам. Начиная с четырех утра я занимался силками, ловушками и программированием погрузчиков.

– Это вместо контрольного пилотирования! – сказал Стрэйк Гардону. – Не зря я спать спокойно не могу, когда этот пустозвон на вахту заступает. Вот, пожалуйста. Доказательства во всей красе!

– Я даже знаю теперь, чем скрашу остаток жизни по выходе на пенсию, – едва слышно закончил мысль Блохин.

– Бордель купит, – тихо сказал Серж Джою, – спорим, малыш? «Биос» – контора не бедная.

Бортинженер бросил в его сторону взгляд, исполненный добропорядочности:

– Я открою магазин охотничьих товаров, – скромно произнес он.

Стрэйк встал, молча обошел вокруг своего места и сел обратно, скрывшись за спинкой кресла первого пилота, что означало крайнюю степень раздражения.

– Высажу всех, – сказал Рэд. – Виктор, а тебя, если не заткнешься, я оставлю пожары тушить.

– Лучшие лаподавилки галактики! Мобильные удушки и рыболовные крючки с системой впрыска цианида! Бронетехника в аренду по желанию клиента, – продекламировал Серж. – Посмотри на себя. Из тебя же только браконьер получится! Кстати, Джери, мы ведь не хотим проскочить планету? Стрэйк, ты там живой?

– Черт бы вас побрал, языкастых, – проворчал Стрэйк. – Джой! Куда ты с маневровыми суешься, мы не от тормозились еще.

– Левис, – сказал Рэд, обращаясь к Белтсу, вошедшему минут пять назад и заставшему часть разговора.

– Да, сэр?

– Подготовьте пилотируемые посадочные модули и оба малых звездолета. Посмотри, что там Блохин сотворил с погрузчиками. Если кто-то из ребят хочет поучаствовать в розыске животных, я не возражаю. По два человека на машину. Количество задействованных модулей доложить штурману. Сегодня Серж нас координирует. Кейт, с тебя – сканирование: вдруг кто-то остался...

– Да, сэр.

– Стрэйк, Ив – на планетолет. Блохин со мной на катер. Серж и Кейт – орбита и наш возврат. Старт по готовности.

Стажер еле заметно вздохнул. Еще раз очутиться в одной машине с капитаном, на которого он теперь смотрел едва ли не с благоговейным трепетом, оказалось не так просто. Исправлять его ошибки Рэд еще с грехом пополам соглашался, учить – нет. Джой исподволь взглянул на первого пилота: заметил он его кратковременное разочарование? Джой не хотел никого обидеть. Оставалось принять предложенные правила и благодарить судьбу за то, что хотя бы старпом старается слепить из него пилота.

Сам Рэд уже почти жалел, что согласился на аферу, но отступать было поздно. До отпуска оставалось совсем мало времени, и начинающееся рискованное предприятие имело все шансы стать одним из последних его приключений в космосе. Слово, данное Кире, капитан нарушить не мог, подвергать команду опасности – тоже. Единственное, что оставалось, – это максимально усилить экипажи машин, что он и сделал. Виктору расклад сразу показался несколько странным. Кроме Джоя, любой из них справился бы вдвоем с техником. Гардон обычно в таких случаях брал с собой на катер Питера или Фишера, оставляя Стрэйку планетолет, а желающим – посадочные модули. Попытка поговорить с капитаном с глазу на глаз ни к чему не привела.

– У Джери не бывает проколов, – отрезал Рэд, – там небезопасно. Хочешь с ним, я поменяю пары.

– Рэд, речь не обо мне...

- И не обо мне. Поэтому Джой пойдет со Стрэйком.
- Взял бы малыша разок, поучил. Он спит и видит, как бы с тобой увязаться...
- Я его плохому научу, – усмехнулся Рэд. – Например, как крест на карьере поставить.

Поверь, ему не надо.

Виктор прикусил губу. Рэд чего-то недоговаривал относительно аферы, своего в ней участия и состояния, а ссоры перед стартом были ни к чему. Кроме того, когда в рубке обсуждался район высадки, Гардон со Стрэйком схлестнулись перед всем комсоставом, как в старые добрые времена. Причем оба говорили так уверенно, словно уже бывали на планете. Какое-то время Блохин и Рэд работали в ангаре молча.

– Капитан, это Стрэйк. Мы готовы. Координатор на месте?

– Я на месте, – раздался голос штурмана.

– Хорошо, начинаем, – сказал Рэд. – Серж, выпускай их первыми. Мы следом.

– Координатор экипажу. Первыми стартуют малые бортовые звездолеты, затем модули в порядке нумерации. Старт планетолету разрешен.

Гардон уже сидел в кресле пилота. Виктор возился с ловушками, наконец, плюхнулся рядом. Рэд медлил: ему несколько не хотелось снова оказаться в горящих джунглях.

– Я воевал здесь, и Джери тоже, – сказал он, не дожидаясь вопроса. – Пристегнись. Серж, мы поехали?

– Старт катеру разрешен.

Атмосфера планеты Джунглей была пригодной для дыхания. По инструкции скафандр надлежало надевать в любом случае, когда космолетчик покидал борт несущего корабля, вне зависимости от класса звездолета доставки и типа планеты назначения. Исключения составляли полеты в оборудованные космопорты и на обитаемые станции. Естественно, ни один космолетчик строго этого правила не придерживался, когда речь шла о вылазке на планету с атмосферой, сходной по составу с земной. Капитан и бортинженер «Моники» ограничились летными комбинезонами. Гардон посадил катер в нужной точке, провел рукой по воротнику комбеза, не обнаружил там замков геромшлема и посмотрел на мутный горизонт.

– Дымом тянет, как будто я воздухозаборники открыл!

– Давай вернемся, Рэджи, – вдруг сказал Блохин.

– С чего вдруг?

– Ты мне не нравишься сегодня.

Виктор отработал с Гардоном много лет. Он видел его битым, пьяным, смертельно уставшим и злым, но никогда – беспомощным. Даже для него Рэд всегда оставался таким бывалым «космопроходцем со стальным взглядом», который мог шутить, когда самому Виктору уже было не до смеха. И вдруг представления, выдержавшие испытания самыми безнадежными ситуациями, рухнули в одночасье без всяких видимых причин, словно Рэд на несколько минут убрал невидимую защиту.

Рэд промолчал.

– Останешься на «Монике», а я возьму вторым Сержа.

– Пошли. Все не так просто, – сказал Рэд и набрал код шлюзовых замков.

Блохин понял, что разговор о возвращении окончен, и шагнул на платформу трапа. Следом спустился Гардон. Почва под ногами противно хлюпала. Остро пахло гарью. Сквозь дымную завесу едва просвечивали спирально закрученные стволы деревьев, сплетавшиеся с ограждением вольеров. Алые, синие, желтые шапки крон беспрерывно роняли серпантинные ленты. Ветер празднично разбрасывал их по поляне, на которой стоял катер. Трепещущие ленточки липли на комбинезоны и сыпались на отливающие сталью поручни трапа, разбиваясь в разноцветные комочки. С лохматого ковра местной травы со звуком, напоминающим хлопанье птичьих крыльев, вскидывались стреловидные листья, плевались вверх слизистыми струями,

на лету сбивая серпантин и сплетаясь с ним в единое целое. Отчаянный безумный праздник продолжения биологического вида на краю гибели, как любовь смертельно больных.

Рэд заходил на посадку с севера, с той стороны, где земля уже была выжжена дотла. Чернота пепелища, чавкающая грязь дымившихся торфяников, широкая полоса жадного трескучего огня и этот пронзительный спиралевидный листопад.

– Виктор...

– Что?

– Куда ты меня притащил?.. Где твои дракончики? Справа полоса огня в нескольких километрах!

– Это координатор. На поверхности семь единиц техники, – раздался голос штурмана. – Работаю на прием сообщений. Докладывать только время посадки и выхода на орбиту. Координаты на сканерах – отчетливо. Проход к шлюзам «Моники» по моей команде. Приоритет у малых бортовых звездолетов. Капитан?

– Хорошо, Серж. Мы сели только что.

– «Моника», это Стрэйк. Посадка – двенадцать сорок восемь.

Хотелось, как в детстве, верить в то, что смерти нет и падающие обратно на траву стрелы, оплетенные семенами разноцветных крон, обязательно возродятся из пепла, пропустив беду через себя. Может, так оно и происходило здесь из века в век. Ни Рэд, ни Виктор, задревший голову, чтобы рассмотреть кроны деревьев, не были специалистами по космобиологии.

Они пошли расставлять ловушки. Тяжелый болотный туман с едким дымом образовывал густой смог, и Гардон первым надел маску.

– На месте декоративного дракончика я бы здесь не выжил, – признался он Виктору, настраивающему манок, – сыро, неудобно. А вольеры здоровые. Как сафари-парк. Интересно, на сколько особей рассчитаны?

– Не знаю, не успел посмотреть. Но то, что ты не декоративный дракончик, сразу чувствуется. Это взрослые особи живут во дворцах, а детеныши выживают только в джунглях. Богатые владельцы специально привозят сюда любимцев для спаривания и проведения медового месяца.

– Не надо про медовый месяц, – улыбнулся Рэд, – мне все еще совестно перед осьминожками.

Несмотря на пессимистические взгляды капитана, касающиеся среды обитания, жалобно курлыкающие дракончики чуть не сбили космолетчиков с ног, возникнув перед катером из тумана, стоило Блохину включить манок. Они оказались совершенно ручными, дружелюбными и очень красивыми, размером с крупную овчарку. Чешуя взрослых особей играла всеми цветами радуги, а у детенышей отливала нежным перламутром. Кайма небольших крыльев с замысловатыми разводами была ослепительно-белой. Шея – словно в пене кружев. Гардон даже погладил одного из них, чтобы убедиться, что это не шерсть и не декоративный ошейник. А глаза! Большие, влажные, совсем не драконьи...

Техники на модулях и пилоты сделали по несколько заходов, прочесывая сканерами буйную зелень сельвы.

– Кажется, все, которые не попали в огонь, – подытожил Стрэйк. – Еще заход, капитан?

– Нет. Серж, всех на борт! Сворачиваемся. Мы облетим район, посмотрим, что осталось. Кейт?

– Никого не нашел. Орбитальное сканирование завершено, я возвращаю беспилотники. Чистая эвакуация, господин капитан. Обслуживающий персонал уцелевших звероферм вывезли. Местного населения здесь практически не осталось после войны.

– Пристегнись! – зарычал Рэд на Виктора. – Сколько раз можно повторять.

Блохин защелкнул фиксаторы, протянул руку к пульту и отключил громкую связь:

– Не психуй, Рэд, – негромко сказал он. – С какой точки начнем?

Пройдя над дельтой несколько раз, они выбрали место для посадки.

Тяжелый дым, закрывший высокое зеленоватое небо, отрезал их от космоса. В то время как платформа трапа шла вниз, гул пожара заполнял собой все окружающее пространство. Земля под ногами ощутимо вибрировала и дымилась. В ловушках оказалось всего семь полуживых, наглотавшихся дыма дракончиков. Рэд с Виктором покидали их в багажный отсек как дохлых куриц. Пока шагающий погрузчик с «Моники» лязгал собранным оборудованием и утрамбовывался следом, они друг за другом ввалились в кабину.

Не успел люк закрыться, как огромный огненный столб прорвался на площадку сквозь сырые джунгли, рассыпавшись фонтаном искр. Почва, обожженная при посадке, предательски вспыхнула. Рэд, чертыхаясь, бросился к панели управления. Пока он устанавливал режим терморегуляции в багажном отсеке, герметизировал люки и заводил двигатели, земля, оказавшаяся густым переплетением корней, выгорела, и малый бортовой звездолет на две трети корпуса ухнулся в болотную жижу.

Болота на планете были бездонными. Их словно специально наливали над мангровыми зарослями этаж за этажом так, что верхний относительно плотный слой скрывал гнилую вязкую основу. Первые колонисты ошибочно приняли его за твердую поверхность, разбили несколько крупных поселков, посчитали, во что выльется освоение планеты, и предпочли убраться отсюда восвояси. Орбитальные бои и кровопролитные стычки за островки твердой земли во время войн Второй волны довершили дело. Планета опустела.

Убраться с нее нужно было как можно скорее.

Рэд с Виктором загрузили в катер все собранное оборудование, и неизвестно, хватило бы мощности двигателей поднять машину из глубины трясины или нет.

Рэд схватился за штурвал. Пляшущие языки огня выжгли блеклые декорации действительности. Рыжее на черном. Огонь в пустоте. Огонь в кабине. Огонь в джунглях, превращавшихся в пепел. Кроме огня он ничего не видел.

– Виктор, взлетай! Давай ты...

– Э-э, Рэд! В чем дело?

Он уже горел здесь, на торфяниках планеты джунглей. Рэд помнил бой, в котором его подбили, долгое-долгое падение, вращающийся задымленный горизонт и глухой удар. Потом он целый вечер выползал из истребителя, который от каждого незначительного движения все глубже уходил в трясины. Выбравшись, он увидел перед собой стену огня. Следующие сутки он убегал от пожара по болотам, пока не наткнулся на части регулярной армии, офицер которой без долгих колебаний сдал его на Зону-77 как дезертира.

– Я звездолет утопил.

– Да что с тобой?! Ладно, подожди.

Виктор перехватил управление. Катер перестал биться на одном месте, разбрызгивая вязкую грязь, выполз из трясины и начал набирать высоту. Блохин включил автопилот и потряс капитана за плечо:

– Рэд! Рэджи, просыпайся давай. Что случилось? Перегрузка основных систем?

– Меня сбили...

В плечо что-то кольнуло. Реальный мир буквально свалился на голову, встав перед глазами из охваченной пламенем тьмы внезапно, как рекламная заставка. Гардон ошалело посмотрел на напарника.

– Привет, – сказал Виктор и убрал инжектор.

– Вить, мы взлетели? Я что, вырубился?! – Рэд уставился на приборную панель и закольцованную бегущую строку: «Автопилотируемый возврат».

– Угу. Честно говоря, я даже немного испугался.

– Чертовщина, – пробормотал капитан. – Мы транслировались на орбиту?

– Нет. Я предусмотрительно отключил связь с самого начала, если ты помнишь. Только коммуникаторы оставил.

– Не помню. – Рэд подтянулся в кресле и разблокировал штурвал, переводя на себя управление. – Какой, к чертовой матери, автопилот! Хрена какого мы тут витки нарезаем... Виктор, ты вроде что-то говорил про сбой в системах?

– Я говорил про тебя в профессиональных инженерных терминах, – ухмыльнулся Блохин и вернул связь с орбитой. – Серж! Мы возвращаемся. Собрали всех, кого могли, больше тут делать нечего. Куда нам?

– Заходите в ангар, – тут же откликнулся штурман. – Капитан, два перегруженных модуля я напрямую в трюм завел. Сэнди и Новак перегонят, как только вы пройдете шлюз, ждут команды. Остальные на парковке. Координатор – экипажу: на борту семь машин из семи. Возврат сто процентов. Потери людей – ноль, потери техники – ноль. Сканирование завершено. Планетарная разведка закончена. Командование судном сдал.

На платформе ангара кроме техников капитанский катер встречал Стрэйк. Посмотрев на все еще бледного Гардона, он не сдержался:

– Как-то вы криво летели, ребятки. С вами все в порядке?

– А что не так? – спросил Рэд.

Первый пилот сделал неопределенный жест и вопросительно посмотрел на Виктора, но тот сосредоточенно считал дракончиков. К моменту появления в рубке капитан окончательно пришел в себя:

– Как у нас обстоят дела с пропитанием для животных?

– Нормально, – ответил Кейт, – если верить информации хозяев, они могут безболезненно не есть около трех суток.

– Экономичная скотинка, – заметил Блохин, – только я думаю, что трое суток они и так не ели.

– Вот и займись провиантом.

– Капитан, мы уходим с орбиты? – спросил Джой.

– Да, уходим. Где расположен ближайший филиал компании «Биос»?..

Через некоторое время, оставив на вахте Сержа, комсостав разошелся по каютам.

«Господин капитан, я хочу нанести вам визит», – сказал инком голосом Блохина.

«Заходи».

После того, что случилось, у Гардона не было никакого желания пускать другу пыль в глаза. Когда Виктор вошел, он застал капитана полулежащим на диване с сигаретой в зубах. На полу стояла недопитая бутылка джина.

– Как самочувствие? – спросил Виктор, оценив картинку.

– Десять баллов, – ответил Рэд, – сам не видишь? Кто из нас выпил?..

– Что происходит? – Виктор подкатил кресло и сел. – Почему, черт возьми, ты напиваешься в свободном поиске?

– М-м-м... Зря я дверь открыл.

– Перестань, Рэд. Я сыграл за тебя сегодня роль первого пилота, ни словом не обмолвился об этом Стрэйку, и сейчас меня распирает от любопытства.

– А нет ничего нового, чем хотелось бы поделиться! – Рэд сел и швырнул подушку в угол. – Скорее наоборот. Все возвращается на круги своя. Жизнь – это такая злая штука...

– Погоди. Что возвращается? Что-то я не припомню, чтобы с тобой такое часто бывало.

Виктор подобрал с пола бутылку и, прокатившись на кресле по каюте, закинул ее в первый попавшийся ящик.

– Нельзя помнить чужие воспоминания... Разумеется, это случилось в первый раз, мой проницательный друг... я сегодня в первый раз завалил старт. Сейчас мы это отметим! Где джин?

– Да ты не старт завалил. Ты сам чуть на старте не завалился! Ты бы видел себя со стороны!

– Ха! Много хочешь. Кому дано счастье видеть себя со стороны?..

– Что на тебя нашло, Рэд? Не понимаю. После Файра ты сам не свой.

– И не надо понимать! Дело давно к тому шло. Я старый больной человек, а ты пристал со своими драконами... В итоге мои драконы чуть меня не сожрали! Вот и все.

Гардон был уже сильно пьян, хоть и говорил довольно отчетливо. Блохин замолчал, подыскивая нужные слова. Таким, как сегодня, он не видел своего друга никогда. И никогда не слышал от него ничего подобного.

– Рэд, очнись. Все в порядке. Ну, утопил звездолет когда-то, ну и что?

– Истребитель я здесь свой утопил, Виктор. L ноль пятый, с четвертым бортовым номером.

Виктор махнул рукой, словно говоря: «Ну, истребитель, так истребитель, черт с ним».

– Остался жив и в первый раз, и во второй – и слава богу. Выпил, и хватит. Все нормально уже. Ты назови хоть одного пилота экстра-класса, который ни одной машины за свою жизнь не повредил или не угробил!

– Стрэйк.

– Ну, началось! Тогда почему Дорвард его раньше не переманил? Поискать, так всем найдется что вспомнить. Чего тебя так вышибло?

– Не знаю, что там у других. А от моего экстра-класса, как выяснилось, мало что осталось. Если у тебя есть кусок мыла и веревка, я бы одолжил их минут на десять. И вообще, иди к черту! Что ты сюда приперся?

Блохин присвистнул.

– Ну ты хорош... Рэджи, перестань нести околесицу. Вставай! – сказал он и потащил слабо отбивающегося капитана под холодный душ.

Минут через пять блохинской интенсивной терапии капитан начал грязно ругаться, и Виктор счел это благоприятным прогностическим признаком. По окончании процедур Рэд потер лицо ладонями и провел рукой по влажным волосам.

– Лучше поговорим о дракончиках, – предложил он, – верни мне рубашку, извращенец.

Но поговорить о дракончиках они не успели, потому что вахтенный вызвал Гардона с мостика. Рэд, не подумав, включил видео.

– Сэр, у нас неприятности.

– Да? Замечательно! Я так и знал.

Сержа несказанно озадачили ответ и внешний вид капитана.

– Капитан, патруль Службы безопасности...

– Перестрелять их к чертовой матери! – в сердцах сказал Рэд и посмотрел на сбитого с толку штурмана. – Нет, погоди. Ничего без меня не пред...при-ни-май. Сейчас я приду, сам их уделаю!

– Мудрое решение, господин капитан! – саркастически одобрил Блохин. – Пожалуй, я вызову сюда Стрэйка, и мы тебя свяжем, Рэд.

Гардон небрежным взмахом руки стер изображение с экрана каюты, включил личный коммуникатор на постоянный прием и, натягивая форму, повернулся к бортинженеру:

– Ну что за жизнь, а? Ни напиться, ни повеситься! Спасибо, Виктор. Вовремя ты... Пойдем.

Вроде бы на этом можно было поставить точку. Но Блохин надолго замолчал, задумавшись о случившемся. Привычный облик «бывалого космопроходца», который так любил примерять на себя Рэджинальд, спасаясь от любопытных глаз, больше не внушал бортинженеру особого доверия. И Виктор смутно догадывался, что с этого дня ему суждено всегда видеть обе стороны медали.

– Без вас я не решился открыть огонь, господин капитан.

Серж сидел, развалившись в кресле первого пилота. На обзорном экране маячил патрульный корабль СКБ.

– Чего орлы хотят? – поинтересовался Гардон, кивнув штурману и усевшись на свое место.

– Разумеется, содрать штраф. Перевозка животных в непригодном помещении, отсутствие ветеринарных ведомостей, неуплата пошлины. Кажется, я забыл еще пунктов пять обвинительного заключения.

– Любители загребать жар чужими руками пожаловали, – сказал бортинженер.

– Не любители, а профи! – хмыкнул Серж. – Осведомлены они превосходно. Наверняка от планеты Джунглей нас пасли.

– Обдерут как липку.

– Как кого?

– Виктор, сегодня, похоже, твой день, придумай что-нибудь, – устало сказал Гардон. – А то мы сядем всем экипажем: за оказание вооруженного сопротивления органам охраны правопорядка.

– Ты бы, в самом деле, отошел от пульта, капитан, – посоветовал Серж.

– Послушайте, – вдруг оживился Блохин, – этих драконов кто-нибудь ест? Впрочем, неважно! Капитан, поднимай всех! Мы же везем потенциальный белковый корм! Животных надо заставить лежать неподвижно. Там естьдохлые?

– Уже есть, – ответил Кейт, входя. – Два из последней партии готовы. Один кандидат на тот свет из тех, что привезли Сэнди с Новаком. Что происходит?

– Прекрасно! Остальные будут спать как убитые, даже лучше. Серж, пошли. Рэд, удержи их визит, если сможешь. Кейт, вызови Стрэйка. Слепите с ним подобие контракта по реализации биологических отходов на случай, если потребуется документ.

Гардон кивнул и только сейчас ответил на вызов. В итоге его все-таки вынудили пригласить патрульных на борт. Тут Рэд сообразил, что лучше бы ему сейчас не показываться на глаза блюстителям порядка.

– Серж, стой! Пойдем со мной, – сказал Гардон штурману, перехватив его у лифта.

– Куда? – удивился тот. – В зверинце уже полный порядок! Натуральное кладбище.

– Встречать гостей.

– А почему не Джери?

– Занимается документацией. У него больше прав, как у помощника капитана. Сегодня ты будешь вести переговоры. Я к концу разговора подойду.

– С чего вдруг?

– Звезды так встали. Идея проста: драконы сдохли. Мы договорились с сельхозобъединением Винатера сбыть их за бесценок в качестве корма, подлежащего переработке.

– Тебя что, сняли с должности?

Рэд несколько секунд помедлил с ответом:

– Меня могут протестировать... Составят протокол, шуму будет до Альфы, – нехотя признался он.

Серж окинул взглядом капитана, которого слегка качало.

– С чего ты напился, Рэд? – в вопросе штурмана угадывалось скорее удивление, чем осуждение.

Дурные привычки друг друга команда знала наперечет. На период свободного поиска их старались оставлять за бортом, что большинству членов экипажа, включая капитана, до сего момента вполне удавалось.

– Не хочу объяснять. Штрафы платить и с Департаментом объясняться я хочу еще меньше.

– Хм... По крайней мере, честно.

* * *

Серж Сент-Фалль был человеком оригинальным, с большим самомнением и злым языком. С Гардоном он познакомился много лет назад, разыскав его на дрейфующей базе спасателей. Удивленный Рэд пришел в комнату для посетителей и увидел черноволосого парня, одетого стильно и чуть небрежно. Бархатисто-черные, словно подведенные глаза незнакомца смотрели изучающе. На шее у него болталась золотая цепочка, а на лацкане его более чем штатского костюма красовался штурманский значок.

– Есть одна проблема, командир, – сказал незнакомец. – Вы ведь любите совершать подвиги?

– Работа такая, – небрежно ответил Рэд.

Они устроили небольшую словесную дуэль и понравились друг другу чуть больше, чем вначале.

Серж тогда первый год работал в торговом флоте после окончания ВШК. Совершая челночные рейсы, его звездолет несколько раз проходил мимо старого военного спутника, болтавшегося на орбите планеты Брист. Хлама в пространстве всегда было предостаточно. Спутник имел антикварный вид, вокруг давным-давно проложили космотрассы. Но однажды Сержу показалось, что он изменил орбиту.

Серж навел справки и выяснил, что недавно на планете наблюдались подвижки коры. Брист был необитаем, но богат радиоактивными элементами, и в прежние времена его изрыли шахтами, добывая ядерное горючее. По всем расчетам выходило, что траектория спутника проходила как раз над за «заглушкой» одной из шахт. Серж попробовал изложить свои опасения СКБ и получил рекомендации впредь с проблемой радиофобии обращаться к психологу. Тут в штурмане разыграло уязвленное самолюбие. Наученный горьким опытом, он не стал официально обращаться в Службу Спасения, а начал искать среди спасателей рискованного пилота с ясным умом и умением хорошо управляться с транспортным средством, которое имелось в наличии. Гардон отвечал всем требованиям, и выбор пал на него.

– Мощный направленный пучок излучения съедает устаревшую электронику спутника виток за витком! – сказал Серж. – Не знаю, какой у него функционал, может, просто ретрансляция связи. Но мне что-то не хочется в следующий раз проходить рядом с Бристом. Если вам тоже интересно, мы можем проверить.

Рэд вызвал Виктора Блохина, пересказал только что услышанную историю и предложил поработать сверхурочно. В итоге Рэд, Серж и Виктор вломились на спутник, когда там уже шел обратный отсчет. Пока Блохин разбирался с резервными источниками питания, Рэд с Сержем громили пульт. То, что осталось, они обесточили.

Как показала экспертиза, функцией спутника было уничтожение источников стратегического сырья на планете в случае прорыва вражеских войск. Взрыв планеты, набитой радиоактивными элементами и отходами, мог обернуться настоящим апокалипсисом. Справедливости ради надо сказать, что взрыва за давностью событий могло и не быть. А если бы и рвануло, то, конечно, не в планетарном масштабе. Но в СКБ все равно разразился грандиозный скандал. Спасатели благодаря СМИ стали настоящими героями, а Серж небезосновательно предположил, что скоро распрощается с торговым флотом навсегда.

– Значит, договорились? – поторопил штурмана Рэд. – Серж! Время поджигает, они уже стыкуются... За мной должок.

– Как скажешь, капитан.

Глава 5. Не учебная тревога

Когда Гардон вошел в трюм, ему в нос ударил резкий запах тухлятины. Левис Белтс успел перекинуть сюда вентиляционный канал мусорного отсека. Пол представлял собой ковер из спящих животных. Освещение приглушили. У самого входа разложили трупы дракончиков, действительно погибших от ожогов. На случай, если гости захотят удостовериться, что на «Монике» нет живого товара. Гости не захотели. Гости жалели, что вообще затеяли историю с проверкой, настолько мерзкое было зрелище.

– Добрый день, лейтенант, – грустно сказал Рэд, – у всех бывают неудачи.

Он кивнул на пол, усыпанный кожистыми телами. Некоторые из них конвульсивно подергивались, точно бились в агонии. У Виктора не было времени рассчитывать точные дозировки снотворного. Синтезировать его в лаборатории медотсека в нужных количествах тоже оказалось задачей не из легких, так что большую часть дракончиков техники под руководством бортинженера просто накачали веселящим газом.

– Извините за опоздание. Члены экипажа обрисовали вам суть проблемы? – добавил капитан, совершенно успокоившись насчет запаха алкоголя. Он всецело перебивался вонью, организованной бортинженером.

– Контракт уже заключен? – холодно спросил командир патруля.

– Поскольку мы очень торопились – товар быстро портится, – мы заключили его через систему «Коммерческая сеть». В настоящее время я как раз занимался сбором подписей, чтобы хоть что-то выжать из фермеров в случае, если мы привезем им разложившиеся остатки. Температуру в отсеке придется понижать до минусовой...

Последняя фраза, призванная рассеять все сомнения, звучала почти доверительно, и лейтенанту, мечтавшему поскорее выбраться из вонючего трюма «Моники», оставалось только поверить капитану. Он не принял приглашение ознакомиться с условиями сделки в центральном пульте управления.

Не успели блюстители закона пожелать экипажу счастливого пути и покинуть борт, как техники включили вентиляцию трюма на полную мощность, а Блохин запустил процесс коллективной реанимации ценного груза.

Ущерб от фальсификации оказался ничтожным: штраф в размере десяти процентов от предполагаемой суммы контракта за его расторжение сразу после заключения и один не проснувшийся дракон.

Придя в свою каюту, Рэд нашел и прикончил бутылку джина, повалился на кровать и уснул мертвым сном. Сигнал экстренного вызова, на который он обычно вскакивал рефлекторно, гудел целую минуту, прежде чем Рэд открыл глаза.

– Что еще случилось? – проворчал он, приподнявшись на локте и шурясь от дежурного света, включившегося одновременно с зуммером. – Третья звездная война?

– Упс... Приехали.

Кейт, сменивший в рубке штурмана, изучал помятое лицо своего командира, прикидывая на глазок его способности к комбинаторике при столь удручающей внешней составляющей. Рэд сидел на постели, пытаясь прогнать остатки сна и одновременно определить тяжесть похмельного синдрома по десятибалльной шкале. Шкалы не хватало.

– Здоровый сон капитана – залог успешного полета.

– Давай ближе к делу, Кейт. Или я предоставляю тебе все полномочия и снова завалюсь спать.

Хронометр показывал два часа ночи ровно, пить хотелось страшно.

– Есть проблемы из области локации, господин капитан, – сказал Кейт. – Лучше, если ты придешь на мостик прямо сейчас.

Капитан кивнул, достал из холодильника банку тоника и, прижав ее к виску, вышел из каюты. Во всех вопросах, касающихся связи, Рэд верил Кейту безоговорочно.

Однажды они с Виктором провалились в ледяную трещину на одной из малых планет Бета-радиуса. На пульте их спасательного катера в течение нескольких часов упорно светился значок перегрузки правого маршевого двигателя. Блохин, провоевавший с техникой все это время, в конце концов сказал: «Надо садиться».

Они сели на редкость неудачно: ледяной склон обрушился лавиной в глубокую расщелину, на дне которой располагалось живописное озерцо жидкого азота. Застывший над ним звездолет потихоньку превращался в замороженный гроб. Гардон ругался так, что Блохин, ползавший по двигательному отсеку, отключил коммуникатор. Еще бы! Сигнал SOS со спасательного катера. Не надо было обладать бурным воображением, чтобы представить себе реакцию командора Пайнтера и дальнейшую беседу о технике безопасности полетов и назначении Службы Спасения. Кроме того, из-под слоя камня и льда сигнал пробивался слабый, почти на уровне обычных шумов эфира.

На счастье будущих капитана и бортинженера «Моники» Кейт Фил в тот момент находился в рубке линкора военно-космических сил Аналога-3, возвращавшегося из Гамма-радиуса после участия в маневрах. Кейт увольнялся с военной службы по окончании миссии, о чем проговорился Гардону, когда его катер вытащили на поверхность... Но до того, как это все-таки случилось, Кейт переругался со всем начальством: сначала никто не хотел верить, что обрывки сообщения, которые они ловят с планеты 803 – это просьба о помощи, потом – задерживаться.

Понятно, что, как только Рэд получил «Монику», он переманил к себе Блохина и Стрэйка, остававшихся в Службе Спасения, пригласил штурманом Сержа, радистом – Кейта. Со вторым пилотом «Монике» довольно долго не везло, пока на эту должность не взяли Эдварда. Стрэйк занимался подбором малых бортовых звездолетов, которыми МНК-17, только что сошедшая с верфи, не была укомплектована. Эдвард Гетт работал пилотом-испытателем малотоннажных аппаратов в летном подразделении отдела снабжения Департамента. И Стрэйк вспомнил о парне, когда они с Гардоном, отвергнув очередного кандидата, опрометчиво ушли в рейд вдвоем и основательно вымотались.

Все предложенные кандидатуры однозначно прошли по конкурсу. Получив в руки результаты психологического теста на совместимость будущей команды, Рэд пришел в замешательство. Раньше он и не подозревал, что собранные вместе профессионалы и команда – разные понятия.

Первые полгода люди, оказавшиеся в рубке «Моники», друг друга просто не слышали. А про Стрэйка с Гардоном вообще разговор отдельный. Джери начал его воспринимать всерьез только после того, как Рэд наотрез отказался возить наркоту, за что их чуть не постреляли на технической станции. Гардон был вооружен, Стрэйк тоже, и чем бы все закончилось, неизвестно, если бы штурман не привел к месту противостояния Александра Седого – капитана звездолета АСП, стоявшего на соседнем причале.

Алекс вошел с поднятыми руками, обезоруживающе улыбнулся, громко скомандовал в инком: «“Таро”, маршевые на прогрев!» – и предложил господам бандитам выглянуть в окошко.

После чего Серж, который весьма негативно относился к употреблению горячительных напитков, честно выпил сухого вина за дружбу между экипажами АСП. Со временем, убедившись, что спаивать его никто не собирается, он стал намного лояльнее относиться к привычкам сослуживцев.

Подписав приказ об утверждении командного состава МНК-17, командор Дорвард дал добро на существование самого профессионального, самого молодого, если учитывать средний возраст, и самого разгильдяйского экипажа в своей организации. Опасения оказались не

напрасными, число стычек с Артуром Дэйвом, курировавшим Ассоциацию от СКБ, возросло параллельно доходам, но Дорвард ни о чем не жалел.

* * *

Кресла пилотов в рубке «Моники» пустовали.

Гардон посмотрел на транспарант «Режим автоматического следования» на центральном обзорнике и встал за терминалом радиста. По экрану бежали линии пространственных координат. Через минуту Кейт нашел то, что нужно, и у капитана перестало рябить в глазах.

– Ага. Вот. Что-нибудь видишь?

Рэд помывчал, не отрывая от банки с тоником пересохших губ.

«Джери, вставай!» – сказал Кейт в инком, не спуская глаз с капитана. – *Дело есть».*

«Что случилось?» – встревоженно спросил хриловатый со сна голос Стрэйка. – *Ты почему шепчешься в индивидуальном режиме?»*

«Минут через пять приходи на мостик. Я НЛО нашел».

«Рэд где?»

«Рядом стоит. Пьяный в жопу, пеленг не видит».

«Что такое! С патрулем чего-то не поделил? Я иду!»

«Минут через пять. Дадим капитану шанс».

«Надо будет Виктора спросить».

«Не скажет».

Рэд допил и выронил банку. Кейт отключил коммуникатор.

– Капитан, прием! Совсем худо, Рэд?

– Ничего...

Кейт вздохнул и, увеличив масштаб, ткнул пальцем в переплетение линий.

– Смотри теперь. Она немного отклоняется.

– Да. Понял. И что?

– Там что-то есть.

– Может, помехи или нестабильность полей? – спросил капитан не очень уверенно.

Кейт отрицательно покачал головой:

– Оно движется за нами. Я их вижу минут десять. Тоже думал про помехи, нестабильность и прочую чепуху, вплоть до забытых техниками отверток. Менял углы, масштабы, диапазоны. Потом решил, что лучше это с кем-то обсудить. Ты как, в состоянии?

– Угу. В состоянии... Звездолет? – спросил Рэд.

– Знаешь, у военных есть подобные уловки – прикидываться, что их нет, но это легко ловится по эфирной дыре. То есть если это маскировка, то самая совершенная. Ребята говорят: «Я – кусок свободного пространства». Кстати, профессиональное исполнение. Если бы не откровенное безделье, я бы не заметил. Что ты об этом думаешь, капитан?

– Может, СКБшники учуяли, что их провели, и отслеживают нас?

– Их патрульный корабль не оснащен так изысканно, можешь мне поверить. Если, конечно, они не из спецподразделения.

– Туповаты они для спецподразделения. – Гардон отошел и облокотился о спинку своего кресла. – Хреново-то как, Кейт. Мне сейчас только за руль... Буди Стрэйка!

– Разбудил уже.

– Субординация, однако...

– Второй раз в жизни встречаюсь с космическими пиратами, – сказал Кейт, – но первый не в счет. Я был на линкоре.

– Линкор бы не помешал, – согласился капитан. – Вычисли их, Кейт! Но сначала сообщи в СКБ о неопознанном объекте. Я поднимаю экипаж.

– Я постараюсь их раскодировать, но связываться с СКБ... Рэд, ты уверен? Мы только что их патруль кинули. Может, попробуешь оторваться?

– Если бы я был один... – вздохнул Рэд. – Звони! Мы просим о помощи. Согласно всем предписаниям. «Моника», не менять параметры полета до переключения на ручное пилотирование.

«Принято, капитан», – ответил БК, отреагировав на голосовое обращение.

Рэд уселся в свое кресло и включил систему экстренного оповещения:

– Капитан – экипажу. Нештатная ситуация. Командному составу и техническому персоналу занять рабочие места.

Под звуки низкого прерывистого зуммера мостик мгновенно заполнился людьми. За спиной Джоя, влетевшего в рубку последним, сомкнулись лепестки диафрагмального люка.

– На нас собираются напасть, – сказал Гардон, не дожидаясь вопросов.

– Хреново, – шепнул Блохин Сержу, пока пилоты занимали места, – меня изнасилуют, а дракончиков увезут в рабство.

– Что, если наоборот? – поинтересовался штурман.

– Эти вонючие драконы мне слишком дорого обходятся, – обернулся к ним Рэд.

Бортинженер и штурман заткнулись как по команде, отчего Джой стало совсем не по себе. Обычно на посторонние разговоры в рубке обращал внимание разве что Джеральд Стрейк.

– Приближаются, – подал голос Кейт, – и довольно быстро. На что надеются, непонятно. Пока ничего выдающегося, размеры между мало- и среднетоннажником. Сейчас я их...

– Гонятся за нами, – пояснил Рэд, – все как положено: маскировка, молчание в эфире.

– СКБ, – коротко сказал Джери.

– Уже, – в тон ему ответил капитан.

– Кто это вам сказал? – откликнулся радист. – Парни не новички, они меня глушат. Тривиально, конечно, но с нашей аппаратурой не пробить.

Блохин присвистнул. Джой не верил своим ушам. О пиратах он читал в детских книжках с парусниками на картинках. Иногда в сообщениях агентства информации «Галактика» проскакивало сообщение о героическом и неизменно успешном рейде СКБ против космических негодяев. В космошколе тема обсуждалась больше в кулуарах и давала простор фантазии каждому из участников дискуссии.

– Есть! – воскликнул Кейт почти торжествующе и тут же сник. – Боевой крейсер-полуавтомат «Каскад». Сейчас будет картинка на центральном обзорнике. Десять бортовых орудий, не считая легких. По опыту могу сказать: напшигован всякими технологичными ништяками.

На экране высветился звездолет.

– Разогнаться не успеем, как сцапают, – сказал Гардон и слегка развернул кресло к Стрейку. – Джери, я первым. «Моника», выведи план эвакуации на пилотажный дисплей второго пилота. Джой, пристегнись, не шевелись, учи схему, – бросил он, обернувшись. – Услышал меня?

В глазах капитана загорелся нехороший огонек.

– Да, сэр! – поспешно сказал Джой, но уставился вовсе не на план эвакуации, а на центральный обзорник, где оживала система управления огнем и один за другим загорались индикаторы зарядки палубных орудий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.